

Время легенд

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дмитрий Ефремов

Дмитрий Ефремов

Время легенд

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Ефремов Д. Г.

Время легенд / Д. Г. Ефремов — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Тайга. Одно только слово уже хранит тайну, и каждый, кто входит в неё, на всю жизнь становится заложником её бесконечного лабиринта. Он становится частью тайги, такой же как невидимый ручей в глухом распадке, или осторожный зверь, втягивающий носом воздух. Этот воздух наполнен не запахом, но знанием предметов, сотворённых тайгой, и каждый из них вплетён в великий орнамент бесконечного узора. Увидеть его целиком никому невозможно, даже всей жизни не хватит чтобы увидеть половину, но что это меняет, когда поставлена на карту сама жизнь. Содержит нецензурную брань.

© Ефремов Д. Г., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Чужая река.

Вода текла тихо, спокойно. Можно было часами смотреть в её мутную глубину. Иногда она несла разный мусор: брёвна, вывернутые с корнем деревья, всякие предметы, напоминавшие о том, что на реке живут люди. Но все это проплывало где-то вдали от берега. Здесь же, в тихом заиленном улове, отделённом от основного русла реки длинной каменистой косой, было тихо и спокойно.

По берегу росло много липы, бархата, клёна. Оттого место было очень хорошим и удобным для разведения пчёл.

– Умели выбирать места. К делу с умом подходили, – думал, вздыхая, Матвей, завидуя такой проницательности и серьёзному подходу предков. Он всегда с большим уважением относился ко всему, что называлось стариной, даже к простой ржавой железяке, что могла валяться забытой в сарае.

Его пасеку называли Поликарповкой. По имени её первого хозяина.

Размышляя об этом, неизвестном ему человеке, Матвей видел перед собой бородатого казака недюжей силы и смелости, сумевшего обосноваться в таких глухих местах. Думал о том, как торговал его предок с китайцами, как нанимал их бесчисленное множество по своим нуждам и во всём был сам себе хозяином. Как раздела догола его революция и лихие годы беззакония и разрухи. И как пропал, словно сгинул, как и его сородичи, в лагерях старый казак. Таких были сотни и тысячи.

Много лет место пустовало, было заброшенным и разорённым. И вот теперь Матвею удалось восстановить Поликарповку, отстроить заново дом и омшаник. Для этого пришлось исколесить полтайги, разбирая брошенные пасеки, благо, этого добра в тайге ещё хватало. Почти все они стояли бесхозными, гнили, разваливались и растаскивались отчаянным лесным народом. Здесь же, правда, ценой невероятных усилий, старый хлам пошёл в дело. За полгода вырос целый хутор на берегу Амура, словно кость в горле у китайцев и как заноза в заднице у пограничников. Последних этот вопрос особенно беспокоил и создавал много проблем для Матвея.

И всё же Поликарповка стояла, а сам Матвей, измотанный жизнью, но гордый и несломленный, продолжал дело своих предков – жил на реке.

А проблемы были серьёзные. С тех пор, как опутали Амур колючей проволокой в шесть рядов, с рекой у народа начались большие трудности.

Не помнил Матвей, но знал по рассказам стариков, как раньше, до войны, да и после, люди ходили друг к другу в гости. Зимой по льду. Летом на лодках. Чужого не брали, и жили в мире. А то, что было до революции, об этом и говорить не приходилось. В крае жизнь была ключом. Весёлая, говорят, жизнь была.

Но появилась колючая ограда, вроде как для безопасности, и народ потихоньку стал забывать реку. Догнивали сети, разваливались старые лодки. «Обезлошадил», как говорится, народ. А река продолжала нести свою мутную воду на восток. Много её утекло с тех пор, как выросли вдоль берега столбы, похожие на висельные перекладины. Матвей уже и не помнил этого момента. Тогда он, как выражался покойный отец, был ещё щенком, вечно скулил и забывал садиться на горшок.

Выходило так, что вырос он за колючей проволокой, словно в зоне. Все деревни, что стояли по Амуру, оказались за оградой и даже опаканными специальной полосой, чтобы не прошёл враг.

Враг-то не проходил. Да вот объясни это глупой корове или быку, которые вечно попадали в ограждения. Таковую обезумевшую от страха и боли скотину обычно пристреливали на глазах у всего народа. А вот с дикими животными было иначе. Медведи, изюбры – эти лесные великаны границ для себя не знают. Сколько шкуры своей оставили лесные жители на этом адском ограждении, было известно одному Богу. Но зато граница продолжала быть на замке.

И всё это, удивительное дело, годами нормально воспринималось народом. Словно так оно и должно было быть.

На реку купаться – по расписанию, на рыбалку – с разрешения. И всё через калитку. А вечером опять на замок.

– Но от кого?! Для чего? – тысячу раз спрашивал и себя и других Матвей.

– Для порядка, – был простой ответ.

Бывало, сядет Матвей на скамеечку и смотрит сквозь ряды проволоки на амурскую гладь, а по воде, словно гусиные пёрышки, порхают китайские джонки. И такое отчаяние брало его от этой картины. А соседи своего не упустили. Хозяйничали, как могли. Стоило только сойти льду, как тут же высыпали на реку дети Мао Цзе Дуна, кто на чём.

«Конечно, прокорми такую ораву. Это же надо... Миллиард! Будут что ли они смотреть, как мимо добро проплывает», – разорялся Матвей, забывая вкус настоящей амурской рыбы. А может, и не знал? Кеты, аухи, нельмы или хоть сазана. Всей рыбы не перечсть. А какой вкус у калужьего мяса, об этом и думать боялся Матвей. Думал, конечно, то тут же истекал слюной.

Всё это доставалось «младшему брату» – китайцу. А русский народ, исконно коренной, амурский, медленно, но верно спивался, переходя на тюрю и комбикорм.

Многого стоило Матвею заполучить Поликарповку. Истоптал все коридоры, обстучал уйму дверей и устал доказывать, что это надо не только ему, что укреплять границу надо не пушками и заставами с проволокой, а жизнью самой обыкновенной. А где будет жить человек, хозяин, там всегда будет порядок. Он, как ему казалось, видел корень проблемы в простом решении. Земля-то хирела. Берега пустели. А у народа отобрали не только её, матушку родимую – реку, но и руки отбили. Правда, послабления всё же были. Часть заграждения в связи с перестройкой убрали. И всего то? Толку-то с этого! Ну, имелась на всё село Никольское пара лодок с подвесными моторами. И что? Чего стоило мужику получить разрешение для выхода на реку. И опять досмотры, правила стоянки, проверки, согласно инструкции. С ума свихнёшься. Сколько слёз пролили бедолаги! А в случае чего – пошёл вон.

– Да кто же здесь хозяин?! – разорялся как-то Матвей, глядя в тупые, замутненные глаза коменданта. – Вы что же это творите?! У меня пчёлы роятся, вот-вот улетят к узкоглазым. А у вас ситуация. Кака ещё така ситуация?! Знаю я ваши дела. Зады начальству лижете, на задних лапках бегаете. Слышали. Понаехало с области шишек для утети. Опять зверя пропустить будете. Бойцов бы лучше накормили. Глаза устали на пареньков смотреть. Стыд берёт.

Задел-таки за живое майора и попал в опалу. Комендант тогда так и обомлел, не привыкши выслушивать подобного от народа. Всё как есть выплеснул тогда Матвей на майора из-за пчёл, но так и не убедил в правоте «хозяина границы». Все его пчёлы изроились, матки вылезли и улетели к чёртовой матери в Китай... Что им полтора километра воды? Тьфу!

Впрочем в Китай улетали не только пчёлы. И никакие пограничники препятствовать этому не могли. Железо, медь, весь цветной металл, соляра, даже трактора – всё уходило, словно в прорву, за границу. За это китайцы платили вонючей китайской водкой ханжой, барахлом сомнительного происхождения в виде магнитофонов и тряпья. Называлось это «бартером», словом, от которого шёл особый дух гордости, риска и отвращения.

Сам Матвей смотрел на бартер как на способ выжить. Он-то хорошо понимал, что это обычная контрабанда, за которую можно получить срок. Но жизнь заставляла крутиться, как куриное яйцо на наклонной плоскости, и, чтобы не скатиться, Матвей не брезговал даже этим ремеслом. В этом был свой резон и даже польза.

Китайцы могли взять всё. За какие-то пару лет народ вычистил все свалки и помойки. Никому не нужное добро, что годами гнило и ржавело без пользы на совхозных свалках, уходило «на ура». От этого в домах появилось китайское барахло, а в больницах всё больше отравленного вонючим зельем народа. Китайцы брали даже гнилые коровьи шкуры. Поуменьшилось по деревням собак. Стали пропадать кони. В общем, народ не спал и не зевал. Хватал

и брал всё, что плохо лежит. А ночью, в условленных местах, по воде шли нагруженные добром джонки. Шли туда и обратно. Народная таможня, как выразился какой-то остряк, сидя за решеткой, не знала выходных.

С собачатиной Матвей не возился, предпочитал не марать рук. Пока на заставе был «свой» старшина, да и командир толковый, дело шло. Никто внакладе не был. Но сменилось начальство, и дело разладилось, шло с большим напрягом. Семья требовала денег, а мёд... Да кому он был нужен при таких ценах! Везти его в город – в дороге обдерут, как липку. Жизнь заставляла рисковать, и Матвей рисковал, умудряясь провозить за «проволоку» товар. Выгребал старые запасы меди, алюминия. В ход шли старые радиаторы, проволока, гнутые вилки, брошенные самовары, умывальники и тому подобный хлам.

Однажды с «пьяных глаз», всё с теми же китайцами – Матвей продал коня. Потом, правда, жалел шибко. Но куда он был ему? Конь-то. Пятым колесом в телеге. Это ведь не преданная собака. Конь – существо свободное. Да и возни с ним, как с дитём малым. Убежит – лови. Овсом накорми. Башмаки стопчет – ищи подковы. А народ кругом ушлый, того и гляди упрут. Не китайцы. Так пропала Белка, собака, которую Матвей любил, как человека, и которой не было цены. Лайка особой зверовой масти. И какая-то сволочь не погнушалась – забрала с пасеки в его отсутствие. От одной мысли о собаке его выворачивало наизнанку от досады. А забрали свои. Плыли мимо и прихватили его собачку. «Совсем охренел народ. Потерял последние остатки совести и страха», – горевал Матвей. Оттого и отдал он своего «ма» соседям. Подплыли на джонке, взяли под уздцы бедного Ермачко, и поплыл бедолага за границу вслед за лодкой. А что ему делать?

Видел его потом Матвей на противоположном берегу, а потом в поле. Жизнь коня круто изменилась под китайским ярмом. Успокаивало то, что хоть имя его, законное, казачье, за ним сохранялось – Ермак. А тому хоть Рексом, хоть Телевизором. В обмен на телевизор, впрочем, и ушёл его «ма» за кордон. Да много ли по нему увидишь, если, кроме китайских программ да противной рекламы, больше ничего не показывают. Так и остался Матвей безлошадным, с ненужным телевизором. Правда, был ещё конёк, безропотный и покладистый. Никуда не убежал и слушал беспрекословно все команды, часто выручая своего хозяина. Но того конька надо было кормить бензином высшей марки. А по нынешним временам выходило то топливо золотым. И всё же «конёк» спасал. Даже пограничники порой молились на его надёжность. Но искренних людей на заставе было немного. От этого договариваться с вояками было непросто, а порой и невозможно. Так что занимался Матвей контрабандой не от хорошей жизни. Слава богу, зиму прожил безбедно. Дочку в институт собрал. Жена не роптала, а в кармане появился запах денег. Многие завидовали, а стало быть, и клязуничали, кому надо. Мир-то был не без добрых людей.

Вот так подолгу, вечерами, сидя на берегу, размышляя о своей горбатой жизни, Матвей всё же склонялся к мысли, что дело это – паршивое. Не стоит того, чтобы тратить на него жизнь. Каждый раз он помышлял послать китайцев куда подальше, благо, те всё понимали, и заняться пчёлами всерьёз. Завести хозяйство. Ловить рыбу. Да мало ли работы на пасеке, особенно весной. Но пару дел с китайцами выкрутить всё же надо было. Да и какая рыбалка без сетей. А их можно было раздобыть только у соседей. А с теми не всякую кашу сварить. Проси, что хочешь, но не сети. Чего тут непонятного? Кто же будет делиться табуреткой, на которой сидит. Но Матвея китайцы уважали и где-то даже побаивались. Оттого всегда имели с ним «дело», и за это не жалели даже сетей.

Время подходило к вечеру. Солнце уже скатилось за сопки по ту сторону реки. Хорошо было вечером у воды. Тихо. Из глубины выпрыгивала рыба, оставляя круги на ровной глади, летали в воздухе бабочки. Ещё краснели от последних лучей верхушки клёнов и бархатов, благоухая молодой листвой. Словно алые паруса, возвышались выше по течению отвесные

утёсы, круто уходившие в амурскую быстрину. Туда Матвею было не добраться на своей утлой «резинке», но пешком ходил не раз. Берега там были отвесные. По скалам гулял порывами ветер, наполняя душу непередаваемым чувством восторга и свободы. Там, в самых вершинах, освобождал себя Матвей от налипшей на душу шелухи брэнного своего существования и забывался, растворяясь всем телом в окружающем его пространстве. Подолгу заворожено глядел вдаль, забывая о том, кто он. Но те минуты свободы и счастья были недолгими, и, глядя вниз, Матвей видел, как суетятся безо всякого стыда и страха под скалами, на его земле, соседи. Ставят сетки, наверное, тоже радуясь такой же трудной и непростой жизни, совсем не понятной Матвею.

Дождавшись сумерек, он взял фонарик и дал условный сигнал. Почти сразу, словно его караулили, мигнули с того берега. Это означало, что всё готово и скоро надо ждать гостей.

В душе у Матвея всё загорелось. Он порадовался, что помощник его спит с большого перепоя и мешать не будет.

Товара было немного. Два обшарпанных, но ещё рабочих дробовика да три радиатора, не считая мелочи. Матвей рассчитывал на ружья, что они не подведут и не дадут сбой. Мужики, давшие их на обмен, просили немного и больше надеялись на порядочность Матвея да на удачу. А то, что отечественные, в особенности старые, ружья были у китайцев в цене, Матвей знал хорошо. Своей доли он в этой сделке не видел, но располагая товаром, можно было потребовать и что-то для себя.

Последнее время дело не клеилось. Да и китайцы как будто наелись. Брали не всё и жутко торговались. А этого Матвей вообще не любил. Может быть, поэтому к нему всегда относились с уважением, постепенно перенимая некоторые особенности его характера. Иногда приезжали без дела, привозили с собой много свежей еды, больше овощей и мяса, зная особенную страсть Матвея и то, что он часто сидел на одной картошке и без хлеба. Нравилась им русская земля, и, как могли, жестами, исковерканными словами, ни на что не похожими, китайцы давали понять Матвею об особых к нему чувствах. Они тоже любили выпить. Иногда дрались меж собой из-за какой-нибудь ерунды, Матвей покатывался со смеху от этого, разнимал разгулявшийся народ, словно детей, и растаскивал по своим джонкам. Особенно приходили в восторг гости от русской брани, на которую Матвей с детства был большим мастером, передавая соседям основы русской народной речи.

Всех, с кем приходилось общаться, Матвей хорошо знал и никогда не путал. Как мог, запоминал чужие слова, стараясь вникать в китайскую речь, вызывая тем самым неподдельный восторг и уважение у друзей. Всё это были такие же бедолаги, как и он, и при общении можно было обходиться простыми жестами и фразами.

На реке был свой порядок. Китайцы тоже были несвободны: кому-то платили дань, отдувались за нарушения пограничного режима в своих каталажках и панически боялись как русских, так и своих пограничников. Были на реке даже свои «новые китайцы». Подплывали пару раз на Поликарповку, даже пытались навязать свои правила. А Матвей их послал по-русски. Они его, как и полагается, тоже. И как ни странно, не по-китайски. До угроз, правда, не дошло. Русский язык становился обиходным на реке. Почти каждый, даже безграмотный китаец знал два-три десятка слов по-русски и страшно этим гордился, как будто между странами было какое-то соперничество.

Но какая тут конкуренция, если у Матвея даже лодки нормальной не было. Ведь это как же... Весь его берег обложили вдоль и поперёк. Матвей с трудом втискивался в эти ряды по праву хозяина. Но этот статус был не таким лёгким. Его надо было не только иметь, но и удерживать. Пользоваться. А у него даже захудалого судёнышка не имелось.

Не положено!

Курьёз.

Ему-то куда бежать? Ведь здесь русская земля кончалась. Для Матвея было ясно, что на заставах и в комендатурах сидели сплошные суки. Стучали друг на друга по всякому поводу и без повода, а заодно, вязали народ, вроде Матвея, по рукам и ногам всякими правилами и запретами.

Однажды дошло до нелепого.

С бензином всегда была напряжёнка. А для раздолбанных вояковских машин и подавно. Ну какой воин знает толк в двигателе? Да и кому придёт в голову ковыряться в разбитой машине, когда десятилетиями жили за чужой счёт, несли мнимую охрану рубежей, а на деле растаскивали добро, получая очередные звёздочки, сосали титьку у государства.

Заехали как-то «гости». Принесла нелёгкая. Дай, мол, бензина, выручи по долгу службы.

Матвею горячего и самому не хватало. Но соседи, как не дать. Надо делиться. Так и выручил.

– Ты хоть понимаешь, чего просишь? – в сердцах спросил Матвей у молодого бравого лейтенанта.

Да, мол, большое вам с благодарностью, товарищ Декин. Премного вам и так далее.

Так и растрогал. Посидите, мол. Отдохните малость. А там и в дорожку.

Даже накормил нашу доблестную армию. Святое дело. И хрен же дёрнул его тогда пивом угостить этого недоноска. За одной бутылкой другая. Как не поговорить с человеком о жизни. Штук пять и высосали, даже на дорожку дал. Давай, служи свою службу, да добра не забывай.

Тот и не забыл. Через неделю в комендатуру для беседы. И вещественное доказательство налицо. Вот вам форменная контрабанда, товарищ Матвей. Откуда у вас заграничное пиво?

Матвей был ошарашен таким оборотом. Но виду не подал. Ответил по всей форме. Со всеми знаками препинания.

– В вашей шарашке, гляжу, на каждую букашку отдельная бумажка. Но если я и пил пиво с вашим стукачом, то это ещё не доказывает, что добыто оно незаконным путём. Меня с этим пивом никто не ловил. А то, что я, как человек, поделился последним бензином с вашим иудой... За это извините. Не знал ваших порядков. На добро говном отвечать. И вообще... мне противно говорить на эту тему. А вам я, товарищ начальник, глубоко сочувствую, что у вас в отряде завелась такая гнида.

Потом Матвей в подробностях поведал о содеянном, добавив от себя только то, что пиво приплыло к нему само. Предположил, что, наверное, где-то джонка китайская перевернулась. Да мало ли... А отказаться от такого трофея не в его правилах.

Майор оказался неглупым. Всё понял. Но дело двинулось, и «телега» закрипела от одного стола к другому. Так что с каждым разом проезжать на пасеку становилось всё хлопотнее. Нет, мол. И давай отсюда. У нас ситуация. Граница на замке. Пчёлы твои с голоду не помрут. А до твоих детишек нам дела нету. Не один ты такой умный.

Джонка вынырнула из темноты неожиданно. Матвея поразил её бесшумный ход и то, что среди мглы китайцы безошибочно находили его пасеку. Это обижало. Китайцы знали реку, как свои пять пальцев.

Большинство тех, кто бывал у него в гостях, почти не понимали по-русски, так же, как и сам Матвей по-китайски. Но для общения хватало совсем немногого.

Хао – значит хорошо. Бу-хао – значит плохо. Ну, а если пу-шин-го – это вообще хреново. Хуже, значит, не бывает. Лучше уж по-русски... От этого китаёзы скалили зубы и прятали своё барахло обратно в лодки.

А однажды Матвею довелось побывать за границей. А как не побывать, когда вот она. Рукой подать. Один из гостей пришёлся по душе Матвею. Звали его Кван Ли. Или просто Ван. Тот знал неплохо по-русски, мог даже писать. Матвей подозревал, что такие знания неслучайны.

– Ну да и чёрт с ним. Поехали, да и все дела.

Так и оказался на той стороне.

Ай да страна! Фанзы, мазанки. И до чего убоги. Заборы – изгороди из плетёной лозы. В домах, как в стойле у коня. Но потом до Матвея дошло: чего же сравнивать, если культуры разные. Народ из небытия подымается. Правда, у Квана было прилично. Там гостей ждали. Ещё бы. Диковина такая. Бородатый, здоровый, с волосатыми руками и матерится, как сапожник. Это же какая радость ребятишкам. У Квана на такой случай даже пластинка с Лидией Руслановой оказалась. Пришлось плясать вприсядочку. Даже стул сломал. Матвей был звездой вечера. Что пел – не помнил, сколько выпил – не заметил. А очнулся уже на берегу, когда набрёл на старых знакомых. Дело оборачивалось не лучшим образом, и если бы не Кван, влип бы Матвей в историю.

Вспомнились сетки, которые Матвей порезал когда-то на глазах у хозяев и отправил плыть по течению, потому что стояли поперёк его сеток. Припомнились и кулаки его тяжёлые.

И ведь набрёл же, свёл случай! Поначалу подумалось, что Кван специально подвёл его.

По двум рожам Матвей не промазал. А потом хозяева берега взялись за колья и топоры, и понял Матвей, что дело дрянь. Вовремя подоспел Кван, и начали братья-китайцы падать штабелями по берегу. Вот это было зрелище! Непростым человеком был Кванушка. Непростым! Да кто бы он ни был, что ему взять с простого русского мужика. А раз показал себя человеком – так спасибо. Ни тайн, ни секретов Матвей не знал, да и не хотел. А с китайцами надо было уживаться. Ведь люди же. Как не общаться? А вода, что разделяла два берега, это, как размышлял Матвей, та же земля. Только жидкая.

Джонка остановилась недалеко от берега, и Матвей услышал знакомый голос.

– Капитана деся?

Матвей рассмеялся и вышел из тени.

– Какой тебе капитана? Кто там? Ты что ли, Кван? Или кто ещё? Конча, что ли? Арбузная твоя голова.

– Ай, ай! – послышалось с джонки. Лодка тихо подплыла и с шорохом зашла на невысокий берег. – Любися, Матевея, матиляся. Ай, ай. Бу хао.

Двоих Матвей знал, с другими пришлось познакомиться на месте. Похрустев костями гостей, он пригласил всех на берег и повёл к летней кухне, где обычно решались дела.

Он заранее обдумал фразы, даже написал на бумажке, чтобы обстрипать дело, как надо. Товар для обмена был готов.

Не рассусоливаясь, Матвей выкатил на стол поллитровку ядрёной самогонки собственного производства, вызвав тем самым тихий восторг и цоканье языков гостей. На столе появилась китайская закуска, и через полчаса гости уже забыли, кто зачем приехал.

После первой склянки стали бороться на руках. Всем хотелось помериться силой с Русским Матвеем. Тот смеялся, вколачивал гостей в старый кедровый стол, потом опять пили, но как-то незаметно всё же перешли к делу.

– Я начальник таможни! Ты понял, желтомордый... – ревел Матвей, тыча себя пальцем в грудь.

Кван в дело не лез, а только наблюдал. По привычке озирался по сторонам и болтал с другим товарищем.

– Я тебе ещё раз говорю! Русским языком. Сюда смотри... – Матвей хватал тетрадь с приготовленными заранее фразами, тыкал ей в лицо гостя, словно доказывая свою правоту и разглядывая со всех сторон своего гостя, – как его там, хай-гуань-чжань. Ты понял? Давай мне сетку. Теперь я здесь буду ловить рыбу. Юй буду ловить. Рыбу! Ты юй любишь? Я тоже люблю.

Китаец скалил зубы, кивал, что-то лепетал по-птичьи, пытаясь уловить процесс общения познанием русского языка.

– Тывая на тезивиза. Пинь-го бели. Си-гуа на. Я мая рюзё. Девестыволику руджио мине.

– Хрена тебе, а не двухстволку. И си-гуа свои жри сам. А мне за дробовик давай пять сеток. Пять, Уга, шига, лянга. – Сбиваясь со счёта, он громко ругался, вызывая смех соседей, сжимал кулак, выпрямляя по отдельности каждый палец и тыкал им в лицо собеседника. Так могло тянуться хоть час, хоть два. Старый приятель Конча уже сидел пьяный в углу и улыбался летающим мотылькам, посмеивался, но не лез, зная, что все прекрасно понимают, чего хотят, и не мешал людям общаться.

– Пять! Слушай меня! Я тебе по пальцам. Лу-фань сеток. Не скупись. Я вам такого ма за какой-то сраный дьянь-ши-дзу отдал. Ма огромный! Дьянь-ши-дзу маленький. А ты мне сетки скупись отдавать. Или ты хочешь, чтобы я лягушек жрал. Как их там... Ми-фэн. Ой, нет. Это пчёлы. А, во, вспомнил. Цин-ва. Цин-ва бу-хао. Ква ква е надо, жри её сам, свою лягушатику. Ням ням цин-ва. Матвей цин-ва бу-хао. А мне юй надо. Хао? Ты понял? Хэ моя! Я живу на ней. Видел – текётъ, это моя река. Амур хэ моя.

– Вася, вася, – заулыбался китаец. – Амуля вася. – Китаец что-то ещё предлагал, ставил на стол бутылки с пивом. – Моя угося Матея. Укусына пыва.

– Ты мне зубы не заговаривай. Ваша бэй говно. И водку вашу я в гробу видел! Понял, – давил Матвей. – Пу-шин-го!

– А мозета, пи-цзю нада? Сё нада? Бели сыколико нада.

От долгого торга Матвей уже забыл, чего хотел. Китаец всё время совал ему под нос разное барахло, сбивая с мысли.

– Хрен с тобой, базарная твоя душа. Давай пи-цзю. Хао-ба. Уговорил. Пиво хао.

Хмель мутил разум, отчего Матвей вдруг срывался, сметал всё со стола, брал кого-то за грудки, чего-то грозил, пересчитывал, загибая пальцы.

– Сапоги твои – бу хао! Как их там, сё. Вообще, пу-шин-го! Больше не привозите. Вон как за месяц развалились.

Топая ногой по некрашенному полу, он будоражил гостей, снимал сапог, со смехом показывая дыры, тем самым набивал цену на свой товар.

Торговля могла тянуться хоть целую ночь. И такое бывало. В конце концов, Матвей махнул рукой, взял одно из ружей, на глазах зарядил его пулей и без предупреждения всадил заряд в старую железную бочку из-под мусора. Все в один миг протрезвели.

Сквозная дыра вызвала восторг у гостей, лёд тронулся, и все побежали к лодке за тем, что требовал хозяин. Из-за дробовика едва не дошло до драки. Второй ствол взяли без особого трепета. Ружьё не внушало доверия своим обшарпанным прикладом, но Матвей был в ударе и убедил китайцев в том, что это ерунда, что всё русское – самое лучшее, а старый приклад лишь доказательство качества товара.

Вскоре на берегу лежало пять новеньких сеток, пара кассетных магнитофонов, куча разного тряпья, парфюмерии и всякой мелочи, не считая ящика ханжи и пива. Это уже в счёт не входило и считалось подарком за визит.

С трудом убрав добро под навес, Матвей махнул на всё рукой – гори оно синим пламенем вместе с китайцами – и, шатаясь из стороны в сторону, побрёл спать.

Среди темноты ещё постукивал дизелёк китайской джонки, о которой Матвей даже не мечтал. Вокруг керосинки летала комарня. Пасека опять стала тихой и унылой, едва заметной со стороны реки. Куски прошедшего кино ещё крутились в голове. Как и череда прошлого, был прожит ещё один день.

Так проходили дни и недели. Приближалась осень, а вместе с ней холода. Китайцы жили своей жизнью, Матвей своей. По утрам он выходил на берег, проверял снасти. Варил сироп и кормил в зиму пчёл. Дел хватало.

Иногда с того берега доносилась музыка. Поначалу это раздражало Матвея, но потом он привык. Его-то берег был диким, безлюдным. А тут хоть и непонятная, а всё же живая речь. Теперь Матвей знал, что там живёт удивительный народ.

Возделывали поля, строили фабрики, что-то взрывали. Было ощущение, что китайцы всё время к чему-то готовятся и никогда не спят. Что-что, а работать они умели. Поля опахивали на быках, как муравьи копались среди холмов, проходила неделя, другая, как засеивалась земля, вырастали на ней арбузы и дыни, каких Матвей сроду не видел у себя в деревне.

Китайцы не сидели на месте. Они словно подымались из небытия, хотя и жили по уши в грязи. Всего каких-то двадцать, да что там, десять лет назад берег их был пустынным и необжитым. Теперь всё выглядело иначе. Появились деревни, города. Находчивые китайцы даже научились воровать целые острова. Невесёлым выглядело будущее Матвея на таком фоне. Особенно после того, как он узнал, каким образом оттягивали соседи бесхозные русские земли в свою пользу.

По ночам они вручную пересыпали целые протоки, соединяя свой берег с островами. А ведь все острова по реке, согласно договору столетней давности, были русскими. После этого протоки пересыхали. А на экологию, по своей темноте, китайцы не смотрели. Моя живи, моя бери, такой вот расклад. Соседи словно демонстрировали свою силу, посмеиваясь над результатами перестройки и тем бардаком и разрухой, что творились на другом берегу.

Сидя вечерами в своей берлоге, под тусклый свет старой, вонючей керосинки, Матвей с болью переживал медленное вымирание своего края, некогда богатого и независимого. Когда вдоль берега ходили казачьи дозоры от Хабаровска до Благовещенска и за каждой пядью земли стояла русская душа.

И он, как мог, охранял свой маленький клочок земли. Да выглядело это со стороны смешно. Палкой эту саранчу от берега не отгонишь. Где срежешь одну сетку, появятся три. Зимой соседи без зазрения совести воровали лес, летом – рыбу. Не брезговали песком, в котором было золото. Умудрялись из-под носа самих пограничников, рядом с заставой, украсть брёвна по льду.

– Да как же это! – распаялся огнём Матвей, глядя на такое безобразие, на беспомощность и бесполезность границы. Государство в государстве напоминало гнилой пень. Ткни его ногой – и повалится.

Иногда Матвей жалел, что променял тайгу на Амур, где всегда чувствовал себя гостем. Там-то, среди лесов, было спокойнее. Но у всего была оборотная сторона. Бывало, что и без мёда сидел всё лето, и зимой без мяса. Тайга не магазин.

На реке было веселее. Всегда с рыбой. Только не ленись, лови. А будет рыба, с голоду не помрёшь. Да и для пчёл климат подходил лучше. При такой жизни кому нужен город? Летом баржи мимо идут. Можно договориться. Зимой дрова готовы. Нужно всем. А хочешь, на печке седи, возле жены.

«Да ведь можно жить-то! Можно», – думал Матвей. Так, глядишь, и наладится жизнь.

Он быстро освоил ловлю сплавом. Пользуясь этим способом, редко когда сети были пустыми. Правда, лодку приходилось прятать.

Бартер его постепенно заглох. И слава богу. Летние хлопоты не давали продохнуть, да и «овёс» для машины становился всё дороже. Не наездишься. А ведь каждая поездка – риск. Если захочешь провезти чего недозволенного, извертишься на пупе. Хорошо, если боец глаза закроет. Отблаговаришь. Когда рыбкой свежей, жареной, а когда и трофейным пивом. Водилось и такое.

Примерно так и просачивалась, куда надо, информация на Матвея о его нелегальной деятельности. Шила в мешке не утаишь. Всё больше сгущались тучи над Поликарповкой. Матвей был не слепой, а потому брал от реки всё, что мог, сутками возился со снастями, постепенно

забрасывая пчёл. Сами, мол, разберутся. В совхозе на него тоже точили зуб. Грозилась уволить. «А тогда чего с чужим добром возиться», – думал Матвей.

Соседи словно забыли о нём. Были стычки из-за сеток, но постепенно притёрлось. Теперь Матвей был полноправным хозяином своего улова и не позволял бросать чужие снасти поперёк своих. Несколько раз ему крупно фартило с добычей. Таймени, огромные жирные аухи, каких он раньше не видел, влетали в его сети, как к себе домой. Одной такой рыбины хватало на целую неделю, кое что и продавать умудрялся. Соседи, друзья, все, кто знал его в деревне, ждали Матвея, как новогоднего деда Мороза с полным мешком подарков.

Обзавёлся он и специальными снастями на калугу, всё от тех же китайцев, не гнушаясь тем, что способ этот был варварским и хищным. Большие, величиной с кисть крючья, привязанные к капроновому фалу, опускались на дно и, если мимо проплывала большая рыба, впились в добычу словно иголки. Но такое бывало нечасто, и то, по рассказам.

По воде уже шла шуга. За ночь забереги прихватывало ледяной коркой, а по Амуру тянуло холодным пронизывающим ветром.

Матвей доживал последние деньки на Поликарповке. Согласно приказу, он должен был покинуть место до конца месяца. Собрать всё своё барахло и – до свидания. Пчёлы, дом, склад – всё, ради чего Матвей не один год рвал свой пуп, оставалось совхозу, ну и китайцам. Об их ушлости он хорошо знал. То, что пасека в один миг будет разграблена после того, как он уедет, он не сомневался. «Да и хрен с ним. Гори всё огнём», – ругался Матвей, понимая, что исправить что-либо не в силах.

Проверив лодку и не дождавшись, когда пройдёт пограничный дозор (бойцы, как и положено, протопали неслышно мимо пасеки, оставаясь незаметными среди листвы), Матвей спустил резинку на воду и сделал пару сплавов вдоль берега. В таких случаях он отгребал от берега на сто – сто пятьдесят метров, растягивая сеть на всю длину, а помощник шёл по берегу, удерживая второй конец.

Улов оказался средненьким, но на уху хватало, даже на двоих. Оставалось снять пару сетей, киснувших в воде больше месяца. Откуда-то снизу ползла джонка. Матвей догадывался, чья это посудина. Под занавес своей карьеры он хорошо повздорил с соседями и даже подрался, благо, на своей земле.

В джонке сидел Конча, как всегда обутый в драные резиновые сапоги и одетый в просоляренный пиджак на голое тело. Это был его постоянный костюм на все сезоны, правда, зимой на голове появлялась ещё кроликовая шапка. Пропитанный насквозь мазутом, залепленный рыбьей чешуёй, он больше был похож на сушёного карася. Издали заметив резинку, Конча дал отворот и отошёл от берега. Все китайцы обожали шариться вдоль чужого берега, словно своего было мало, хотя именно так и было. Каждый лоскут китайской воды давно был поделён. Даже русская вода была раскроена и поделена между соседями, и в каждом закутке торчала добротная китайская сеть, из которой не смог бы выбраться даже пескарь.

Не обращая внимания на джонку и обиженного соседа, Матвей продолжал выбирать сетку. Пойманную рыбу подолгу приходилось выпутывать из ячеи, вода студила руки, пальцы не слушались. Но выбирать сеть надо было. Не бросать же. Оставалось не больше двадцати метров, самый глубокий отрезок. Часть сетки уже болталась по другую сторону лодки. Матвей погрел дыханием пальцы и, запустив руки в воду, стал выбирать остаток снасти, на конце которой был привязан груз. Его надо было отрезать, а потом, выбирая сетку в лодку, вернуться на берег. Вдруг сетку потянуло в сторону. Это было неожиданно. Сетка словно ожила. Руку дернуло так сильно, что она по локоть ушла в холодную воду. Матвей даже не успел толком сообразить, что произошло. Его словно прилепило мордой к лодке. Лицо буквально размазало по мокрой резине. От сильного рывка его лодка едва не перевернулась. Он почувствовал, как под штаны хлынула вода. Чудом извернувшись, он ухватил свободной рукой резиновую проушину,

пытаясь удержаться в лодке. Через секунду он почувствовал такой страшной силы рывки, что в руке что-то захрустело. Не было и речи о том, чтобы пытаться вытянуть сетку. Кто бы он ни был – водяной или рыба чудовищных размеров – в сетку он влетел основательно и хотел только одного – утопить Матвея вместе с его лодкой. Тонкие, но крепкие жилки иглами впились в его пальцы и сплели их в один морской узел. Боль была невыносимой. От страха Матвей заорал, что было сил, но в это мгновение его дёрнуло ещё сильнее, лодку поставило набок, словно поплавок, а голова его полностью ушла в воду. Оказавшись в воде, он с ужасом увидел и осознал размеры рыбы. Несколько метров одной сплошной массы чего-то незнакомого, странного и пугающего лениво шевелилось прямо под ним, у самого носа. Рыбина, скорее всего, заснула в сетке, а когда Матвей стал её вытягивать, она проснулась и захотела свободы. И что ей была его путанка. Паутина, да и только. Он попробовал высвободить руку, чтобы отрезать шнур. На поясе болтался нож в ножнах, но на этот случай не хватало третьей руки. Превозмогая боль, Матвей с трудом вытянул из воды голову и глотнул воздуха.

– Конча! Сетку! Режь сетку! – заорал он. Ему вдруг подумалось, что китаец ничего не понимает, да и вообще должен радоваться его печальному концу. Голова опять ушла под воду. Рыбина рассердилась не на шутку и сделала ещё несколько резких рывков. В тёмной глубине проглядывал её ребристый хребет, длинный усатый нос и похожая на развёрнутую гармонь пасть. Неожиданно сеть ослабла, и Матвей увидел, как под ним что-то зашевелилось. Рыбина плавно поднялась, едва не коснувшись своим серпообразным метровым хвостом дна лодки, и снова пошла вниз. «Проснулась стерва», – промелькнуло в голове у Матвея, и он приготовился к самому ужасному. Вдруг перед глазами что-то блеснуло, потом он почувствовал, что его тянут, словно куль, наверх.

Когда всё осталось позади и Матвей уже сидел на берегу и трясся от холода, стягивая промокшую насквозь телогрейку, к нему вернулась память и стала откручивать, как на магнитофоне, отснятое кино минувшей драмы.

Если бы не Конча, не побоявшийся прыгнуть в ледяную воду со своим ножом, рыба стащила бы его с лодки и утопила. Китаец вовремя пересек часть шнура, оставшая жилка лопнула, оставив на пальцах неизгладимые отметины в виде глубоких рубцов. Добыча, о которой мечтал Матвей, да и Конча тоже, ушла от него в глубину вместе с его сеткой. Но это Матвея уже не трогало.

Конча сидел на берегу, цокал от восторга языком, качал головой и с каким-то особым чувством сожаления поглядывал на Матвея.

Когда тело успокоилось, Матвей пошёл в дом и через пять минут вернулся с мешком и поллитровой бутылкой крепкого зелья. Не замечая изумления своего помощника, с берега наблюдавшего за драмой, Матвей бросил мешок к ногам китайца, потом откупорил бутылку и отхлебнул добрую треть. Его передёрнуло, он поёжился, с трудом поборов приступ тошноты, от которого лицо его исказила жуткая гримаса, словно он проглотил лимон. Потом отхлебнул ещё и передал товарищу.

– Пей, Конча. Выпей за моё здоровье. Долго жить буду. Наверно. Давай, а то заболеешь.

– Сем хао! – с восторгом выдохнул Конча, сделав глоток с горла. – Калясё пиёсь. Канча не уметь.

Матвей усмехнулся, что-то подумал про себя и махнул рукой.

– Сетки там. Это твои сетки. Забирай, мне они теперь ни к чёрту. – Матвей взял мешок и бросил его в джонку. – И давай, отваливай. А то не ровен час, гости нагрянут. Припаяют тогда статью. А тебе по шарабану надают и лодку отберут. Капитана ух ух, аяяй. Бу-хао капитана. – Он хлопнул китайца по плечу, повернулся и пошёл к дому. Уже на крыльце он услышал за спиной, как чётко заработал дизелёк, и обернулся. Китаец улыбнулся и по-детски замахал костлявой рукой.

– Амуля вася, либа нася, – пропел он и направил джонку против течения.

– Ваша, ваша. Чтоб ты ей ... – Он не договорил, как будто осёкся, и сплюнул, плотно затворив за собой дверь.

Браконьер

Не иначе, как Бог, нашептал тогда взглянуть ему на небо. А без этого сотню раз, быть может, прошёл бы он мимо и не увидел этих удивительных жителей тайги.

Однажды, а было это в самый разгар осенней охоты, Михаил наткнулся на кедры, каких, как ему показалось тогда, он сроду не видел. Дорога, по которой могли ходить зимой лесовозы, проходила рядом, и каким чудом эти красавцы уцелели после повальной пилки, ему было непонятно. Вокруг, по распадку, до самого перевела, одни пни торчали да корявые берёзы, а эти – было их около десятка – стояли на виду у самого ручья. Правда, рядом кто-то уже начал мостить эстакаду для будущей погрузки, но, как видно, бросил до поры.

Идея закралась в один миг. Мишка даже про охоту забыл, уселся на брошенную колоду и так просидел в раздумьях целый час. Думать-то было нечего. Не он, так кто другой, а всё равно кедры точно свалил бы. Стволы были хорошие, ветки под самой маковкой, а в свечках не меньше тридцати метров. В другой бы раз он и не посмотрел на них. Подумаешь, шишки. Он и лазить-то боялся с детства.

Дом его недостроенный. Туда доска, сюда брус; лесу ушло прорва, а жильё его как было без окон и дверей, и сколько могло так простоять, одному богу было известно.

Спилить не проблема. А вот как в кузов погрузить, вывезти? Над этим он ломал голову долго. Не хотелось дарить дяде заезжему такое добро. Здесь тебе и полы в дом, и окна со ставнями. А ульёв сколько вышло бы, хоть пасеку зачинай; и такая мечта была у него. На всё хватило бы, если с умом. Устал он, как бедный родственник, в чужой норе ютиться. Хозяева косились, но терпели, ждали, а дом всё не вырастал. Приходилось разрываться. За всем не умотришь и не угонишься, а тяп-ляп делать не хотелось. Для себя же.

Всю ночь проворочался в зимовье. Напарнику не сказал ни слова о том, хотя язык чесался поделиться мыслями. Но где знают двое – знают все. Тогда вой, скандал на весь район. Где взял, на что купил; песня известная. Лучше самому.

Хоть и забита была голова чем попало, а мысль всё же крутилась. С утра он ещё раз прошёл на место, проверить, вдруг спилил кто за ночь его клад. Облазил чуть ли не на пузе всё досконально, измерил по шагам, где встанет, где развернётся его боевой конь; дело того требовало.

Потом он ещё раз наведалься на то зимовьё, осень тогда стояла хоть куда. А на конях – дело привычное. Уже после этого точно решил, даже план наметил.

Жизнь шла своим чередом. Ванька пошёл в девятый, вымахал с хорошего жеребца, от девок не было отбоя. И от Катрин тоже хлопот хватало, девка росла и незаметно из гадкого утёнка превращалась в лебедя. Одни волосы чего стоили: белые они были, словно цветущая груша в мае.

Подкрадывались холода. Дом рос в день по чайной ложке, и даже младший, Женька, или как он сам себя называл Сена, внёс в его строительство свою лепту. Вбил в дверной косяк гвоздь, да так, что пришлось там и оставить.

Лес хоть и бескрайний, но не без надзора, и всё, что происходило в его границах, не оставалось незамеченным. За всем этим, как и полагается, следило лесное хозяйство. А в лесхозе Витка Гудалин сделался начальством и основательно взялся за браконьеров. Рыскал по окрестным лесам в поисках мелкого ворья, что промышляли дровами и тому подобным лесным сырьём, совал свой нос в каждый двор и требовал документы на приобретение. За всеми, конечно, не угнаться. Даже сон потерял. Так и летал по деревне мимо Мишкиного дома, пыль столбом, а чтобы остановиться, зайти, что, мол, как? Чем помочь? Ни разу. Выходило, что

старой дружбе конец. Вспомнить-то было что. Ведь когда-то все через его пасеку ехали. Где теперь та пасека и где та дружба? Один раз всё же заглянул, двор обошёл, весь дом облазил, а чего хотел, не сказал. Здорово, мол, и всё. Похвалил, правда.

Задумался тогда Мишаня. Куда же их прятать-то, ведь не иголка. Даже если досками будут в штабеле. Где взял? Если купил – покажи документ с печатью. Но, как бывает в таких делах, – случай решил всё.

Был у него в гостях однажды военный. Старинный знакомый. Фокусы на картах вытворял – волшебник и только. Сидели в бане, он и посоветовал:

– По такому случаю я тебе, Михаил, справку из города сделаю. Не липовую на газетной бумаге. Это будет настоящий документ. Вижу, что давит тебя эта стройка. На новоселье позовёшь, вот и будем в расчёте. Сунешь им эту чёртову справку, тебе только цифры вписать надо будет, сколько и когда. Кедры-то не только у вас растут.

И так складно всё разложил, что отлегло от сердца. Духом воспрял Мишаня. За что ни возьмётся – делает. Куда ни пойдёт – летит, земли не задевает. В руках всё играет.

Тем временем близился Новый год. К праздникам началась ёлочная компания. Ехали кто на чём, всем подавай молодые и пушистые. Вот чего не терпел Мишка, так это зазря молодняк переводить, ведь не столько рубили, сколько колёсами давили. Но традиции не отменить одним желанием, а потому ёлки рубили и, как говорится, щепки летели. И на этом кто-то неплохо зарабатывал, делал свой маленький капитал. В лесхозе тоже не спали и всю, что была на ходу, технику, гнали в лес за зелёными красавицами. Такая вот была новогодняя лихорадка.

Ехать решил под самый Новый год. Обидно было, конечно. Всё же праздник. Но дело того требовало. С утра проверил бак, залил бензина, что удалось собрать, проверил сцепление. Был и прицеп. С ним пришлось повозиться заранее. Сначала даже братья не хотелось, но выбора не было. Пойди, поищи. Усиленный, специально для леса. За это даже пришлось заплатить соответственно.

Во дворах уже горланили песни, что-то взрывали и палили из ружей, как будто началась война с Китаем. Правда, и там не молчали, тоже стреляли и пускали в небо питарды, мол, у вас громче, зато у нас выше. А русский народ куражился: зато у нас пьют больше и дерутся веселее. Драк было много. На одну такую Мишка едва не наехал. Возились двое прямо посреди дороги. Хорошо, Ванька увидел вовремя. И те устались:

– Куда это ты, Мишаня, подался? Новый год же.

Мишка ответил, куда. Хотел ещё вылезть и добавить, но передумал и поехал дальше. Где-то играла гармошка, горели в окнах ёлочные огни, был праздник. И не казалось, что народ бедствует, что детей кое-где не пускают в школу потому, что не во что одеть. Что кто-то питается вместо хлеба лепёшками из ворованного комбикорма. Что люди забыли, как сажать картошку, и если уж пропалывать что в огороде, то только коноплю, чтобы по осени продать её заезжим дельцам и купить детям учебники. Страшно было от всего этого, но народ веселился, и на душе почему-то было легко и весело.

– Ничего, Ванька. Мы своё в тайге отгуляем. Мамка нам собрала в дорогу. Салют устроим. В лесу сейчас хорошо, людей нет, одни звери. А от них худого не жди, если сам не дурак.

Ванька кивал, зевал одновременно и не отрывался от окна. Пролетали мимо столбы с проводами, где-то в бескрайней тьме светились, словно звёзды, огни далёких деревень, но дорога уходила всё дальше извилистой лентой и была пустынной и совершенно безлюдной, вселяя в Мишкин разум необъяснимое волнение и тревогу. Минули последний поворот и въехали в тайгу. Сразу вокруг всё изменилось, словно оказались в другой стране. Теперь это была только колея, разбитая лесовозами, на ней то и дело неожиданно возникали заносы, кусты, приходилось всё время петлять, учитывая, что за спиной болтается прицеп.

Освещая дорогу, он смотрел по сторонам, по привычке выискивая зверя.

В пути обошлось без приключений. В двенадцать, когда до места оставалось совсем немного, он остановился и заглушил машину. Ванька давно спал. Будить его было ни к чему, да и не способен был детский мозг понять важности текущего момента и тех мыслей, что одолевали Мишку. Не было ничего в жизни пацана, что могло бы так воздействовать и будоражить его детское сознание.

Ему вдруг показалось, что он застрял где-то среди звёзд, двигаясь так же, как и они, в бесконечном пространстве. По сути, так оно и было. Но под ногами его была земля, скрипел чистый нетронутый снег и где-то совсем рядом, по космическим меркам, жили люди. В кабине беззаботно спал Ванька, чья душа пока ещё была чистой и не обременённой жизненными проблемами. В Никольском, наверное, капризничал Сена, дёргал Катьку, а та, скорее всего, тоже ныла и не давала покоя матери. Там было и его место, его незримая, как у планеты орбита, сбившись с которой жизнь уже теряла смысл. Наверное, поэтому небо было чистым и искрящимся от звёзд, деревья молчали в морозной тишине, а ему думалось спокойно и легко.

На зимовье, как он и ожидал, не было ни души. Выпавший недавно снег присыпал весь мусор вокруг и накрыл старую почерневшую крышу пуховым одеялом. Как всегда, журчал ручей.

Видавшая виды чугунная печка долго не растапливалась, но потом всё же сдалась и в домике стало светло и уютно от огоньков, что проскакивали в искривлённую дверцу и мерцали на стенах и потолке. Ванька так и не проснулся. С машины слез сам и, как лунатик, проковылял в дом. Немного посидел, потом зарылся в старое сено и долго что-то бормотал себе под нос. Скорее всего, под впечатлением минувшего дня его мозг всё ещё продолжал работать.

За ночь Мишка так и не сомкнул глаз. В том, что большую часть последних лет он проводил в скитаниях, не было ничего странного. Только тайга могла сполна дать то, чего он не находил среди людей. Дело было вовсе не в добыче лесных богатств, которые хоть как-то выручали и не давали скатиться до полной нищеты. Его раздражали люди, вернее, толпа, разнузданная, захлебнувшаяся в самогоне и потерявшая последние крохи совести и страха. А спрятаться от неё можно было только среди этих бескрайних сопок, которые давно стали частью его жизни. Раздумывая в который раз над убогостью своего бытия, он не заметил, как подкралось утро. За ночь он несколько раз выходил греть машину, подбрасывал в топку дров, сготовил еды на день.

В каморке стало светлее. Сальная свечка давно погасла; ему вдруг неожиданно стало страшно.захотелось отказаться от своей затеи, взять дробовик и уйти в сопки. Но потом он прогнал всю эту хандру, заранее зная, что никогда не простит себе такого малодушия. Да и перед Ванькой было стыдно.

Снега в лесу было немного, и подъезд оказался на редкость удобным. Кедровые стояли, сгрудившись в небольшую группу, и как будто переговаривались сами с собой, тихо покачиваясь самыми макушками. Им пришлось изрядно постараться, чтобы дотянуться до солнечных лучей, скользивших по самым верхам сопки. На это ушло не меньше ста лет.

В распадке было по-сказочному тихо, немного морозило, а где-то в вершинах стучал дятел. Мишка скинул бушлат, завёл «Дружбу» и дал ей прогреться. Не хотелось нарушать тишины. Он сразу почувствовал себя вором этой нетронутости, способным сделать с природой абсолютно всё. Но тайга только смотрела на него незримыми глазами и в своём бессилии молчала. Всё живое попряталось, свернулось от страха и стыда за человека. Не обращая внимания на пасынка, он снял шапку и встал перед кедром на колени. Глядя на них, у него возникло реальное чувство, что они всё понимают. Потом он нехотя коснулся металлической гребёной тела кедрового, выдохнул, и на этом всё кончилось.

Когда падает дерево, с треском отрываясь от своих корней, и когда это происходит первый раз, в душе что-то обрывается. Как тот мост, что горит за спиной и потом рушится.

Кедр лежал огромный. Ствол его немного изогнулся и едва не достал машины. Потом он свалил ещё два. Но даже этого было слишком много, чтобы увезти за раз. Хотелось валить ещё и ещё. Мишка словно вошёл в азарт. Руки потрясывало от лёгкой усталости и волнения. Ванька стоял за спиной и с восторгом наблюдал за всем происходящим. На всё про всё ушло несколько минут. После этого рубили сучья, делили по нужной длине стволы. Надо было искромсать вершины и, чтобы не захламлять распадок, по возможности, растащить всё как можно дальше. Но это уже было на потом. После этого он с помощью лебёдки сгрёб все брёвна в одну большую скирду, недалеко от сильно наклоненной берёзы, что росла прямо на склоне и ждала своего часа. Она-то и была главной в его операции. Кривая и корявая хозяйка леса – именно она и натолкнула его на эту авантюру. Мишка точно знал, что до него ещё ни один человек в мире не делал в одиночку то, что предстояло совершить ему. Ванька был не в счёт, он лишь ускорял процесс, давал ему некую гарантию безопасности.

Лебёдка работала исправно, и брёвна, как будто дрессированные, переползли к месту погрузки. Теперь он думал только о работе. Дорога была каждая минута. Он то и дело смотрел на солнце, а оно словно летело по вершинам гор.

Потом он отогнал «Шоху» под берёзу и укрепил на её корявом стволе, стараясь сделать это как можно выше, блок. Проверив его на прочность, он подогнал прицеп и выстроил машину в одну с ним линию. Всё сходилось. Он отгоняет прицеп, толкая его жёсткой сцепкой. Потом тросом, используя собственный ход, вытягивает из кучи бревно и поднимает его к берёзе. Для этого он специально приготовил кованые крючья, соединённые тросом, чтобы вбивать в торцы брёвен. Медленно сдаёт назад – и бревно наверху.

Он долго смотрел, как замороженный, на первое зависшее в вышине бревно. Ему даже не верилось, как этот налитый смолой, почти с полтонны весом карандаш, самый комель, застыл в воздухе. Потом он подтянул лебёдкой прицеп, точно отметив его место на земле, и медленно подался вперёд. Пока бревно опускалось, Ванька ровнял длинным шестом. Лишь только бревно улеглось в кузове, прицеп нехотя пошатнулся и немного подсел. Мишка облегчённо вздохнул.

Он еще не думал о предстоящей дороге, о той наледи, с которой едва не сполз под косо-гор, о возможной инспекции на дороге. Это пока его не касалось. Не думал о бесконечно долгом и ужасно крутом подъёме в Кабаний, где даже негружёные машины останавливались на полдороге, чтобы остыла вода в радиаторе, о том, что часть пути перемело снегом по самую кабину – это будет потом. Сейчас он работал в диком азарте, не давая телу ни секунды отдыха. Вдохновлённый своей победой, он видел перед глазами беленькие от новизны улья своей долгожданной пасеки, огромный, собранный из толстой пятёрки кухонный стол и многое другое, на что только могло хватить его воображения в созидании.

Было давно за полночь, когда он въехал в село. Прицеп сразу отогнал к совхозной пилораме. Там он меньше бросался в глаза. Да и какой смысл был тянуть брёвна во двор. Машину он набил доверху берёзовыми чураками, старые запасы дров были на исходе.

Несмотря на позднее время, в Никольском по-прежнему гуляли. Продолжался Новый год. Мимо дома проходили зеваки, из любопытства пялясь на Мишкину машину. Кто-то даже пытался вступить с ним в разговор, но он словно не слышал и долго оставался сидеть в открытой кабине. Чувство славы и победы сменилось равнодушием и смертельной усталостью. Такое чувство возникало всегда, когда ему везло на охоте и добыча была уже не убитым зверем, а расфасованным по бочкам мясом. На вопрос жены, как прошёл день, он только и смог, что кисло улыбнуться и сказать уже давно ставшее привычным – нормально.

Мысль хоть и быстра, а только сплетня разлетается куда быстрее. И в скором времени Мишка уже не рад был, что сунулся в эту авантюру. Отбиваясь от назойливых работников лесхоза, он, конечно, понимал, что простыми житейскими доводами от них не отделается. А

на то, что ему дом строить, всем было наплевать. Наоборот, ещё больше завидовали и при всяком удобном случае ставили подножку. Зуб на него у лесхозовских был наточен давно, и все браконьерские рубки, как видно, хотели списать на его грешную голову.

Он бы разослал их, не глядя, во все отдалённые углы, если бы не присутствие участкового. Не хотелось с властями ссориться. Охотились, бывало, вместе, общались при случае. Выходило, что подводил он хорошего человека.

– Ты не кипятись, – встревал в перепалку Костя, стравливая Мишкин пар.

– Объясни всё по порядку. Откуда лес, когда доставлен.

– Не лес это, я вам в тысячный раз говорю, а пиломатериал! – взрывался вновь Мишка. – А на что купил – вас не касается! И где взял – там уже нет! – ревел он уже на всю улицу.

– Пусть покажет документы! – не унималась Валентина, готовая по доскам разобрать Мишкину скирду. – Если каждый будет так народную собственность пилить, никакой тайги не хватит! Опечатать лес, да и дело с концом.

Витька в разговор не вмешивался, лишь изредка, для порядка, вставлял слово, стараясь не противоречить обеим сторонам, поскольку хорошо знал своё начальство. Да и Мишкино положение ему было понятно. За неделю до этого они основательно поговорили. Не дураки же. А то, что подрубали местные мужики окрестный лес, было неизбежно, как и то, что лес этот вырастал снова. Печалило его, какие «лесные» дела действительно проворачивали в масштабе района. В последнее время за дело взялись братья-китайцы. Эти скупали всё подряд, а когда стало не хватать, то с чьей-то лёгкой руки поставили в районе пилорам, и полетели, словно в мясорубку, родные манчжурские леса с монгольским дубом и сибирским кедром. Засветилась тогда природа плешинами да лысынами от вырубок. Выходило так, что за эту самую валюту администрация готова была продать всё что угодно. Как в бездонную бочку, как в прорву, уходило за Амур добро народное. Не спали, как видно, китайцы. Полуголодные и неодетые, они были готовы работать за мизерную зарплату, оставляя без работы русского мужика. Вот где крылась беда! Потому и молчал Витька. И участковый делал дело, как мог: писал протоколы с места рубок, да всё в большой стол районного начальства, и конечно, без толку.

Не мог Мишка понять Валентины; того, как она вдруг забыла, как кормился их лесхоз и она лично с его пасеки. Как рекой лился свежий мёд в их бидончики, как целыми сезонами жили под его крышей бездельники лесники вроде Тыквы, но то было давно. А у детей, как известно, и женщин на хорошее память короткая. Как выручил он их целой бочкой дизельного масла в трудную зиму. Отдал, а они потом словно забыли, расплатились взамен гнилыми досками: сучья сплошные да обзол. Только на сарай и сгодилось. Немало хорошего сделано было. И вот стоял Мишка посреди своего двора, как последний вор, и краснел не то от стыда, не то от злости.

Потом были повестки в суд, но на это он плевал и не реагировал. Не ходил. Весь световой день хлопотал по дому. Работы было невпроворот.

Умом и сердцем Мишка понимал, что от него не отстанут, и всё ждал и надеялся, что не подведёт его приятель из города. И ведь не подвёл.

Ближе к весне прижали его, как следует. Даже судебного исполнителя прислали для изъятия леса. Технику подогнали, массой решили задавить непокорного и неугодного соседа. Прижали-таки к стене. А тут Катька, светлая душа, мимо проходила, со школы шла, письмо занесла, язык показала. А в письме бумага с печатью, да не одной. Теснённая, всё равно что грамота.

«Жди, Миша, в гости весной. Дату сам поставь где карандашиком пометил. Не испорти!» – наставлял Генка, описывая свою скуку по родной деревенской природе.

Пока от калитки шёл, читал. Загорелось в душе. Так захотелось ткнуть им эту бумагу, но удержался.

– Домой пошли. Там и будет вам документ, – не сдерживая радости и не скрывая достоинства, сказал Мишка. – А понятия ваши пусть проваливают. У меня свих найдётся.

Бумагу в руки не дал и не показал вида до поры. Ошарашил всех. Выходило, что пило-материал ему привезли взаиморасчётом как списанный брак, шедший через таможню всё в тот же Китай. Ради такого дела он даже поллитру поставил за настоящую, заверенную, где надо, копию, предполагая, что от лесхоза можно ожидать всего.

Никогда не испытывал Мишка такой радости и вместе с тем напряжения от жизни, как в эти дни. Но всё прошло, и однажды, ясным солнечным утром, когда в воздухе уже разносились первые весенние запахи, он почувствовал вдруг пустоту и нелепость своего праздного существования. Возни, конечно же, хватало: дрова, хозяйство, свиньи. Утонешь, не вылезешь.

Не этого просила душа.

Сидели на крыльце, грелись первым солнечным теплом, и Мишка сказал:

– Знаешь, Маринка. А я опять поеду в тайгу.

Замыслив что-то коварное, но безобидное, он улыбался, как умел это делать очень давно.

– Опять, что ли? Опять за дровами намылился? Забыл, как не спал от нервов? Душу вымотал!

– Ага. Забыл. Там ещё четыре штуки осталось. Всё равно их кто-нибудь спилит. Чего добру пропадать?

Прищуренные глаза жены смотрели в упор и смеялись. Она видела перед собой прежнего Мишку и, наверное, радовалась.

– А может, обойдёмся? Хватит мне бессонных ночей! А документы где на этот раз возьмёшь? Опять Генку просить будешь?

– А у меня ещё один экземпляр есть. Генка два прислал, – с удовлетворением выдал свою тайну Мишка и рассмеялся от души. – Я на восьмое марта решил ехать.

Теперь они уже смеялись вместе. Потом смех прошёл, и жена тихо вздохнула:

– А мне одной сидеть дома?

– Зачем дома сидеть? Со мной поедешь. Праздник же!

Подарок для дочери

Больше всего на свете ему хотелось поохотиться. И обязательно что-нибудь подстрелить. По-настоящему поохотиться и, как выражались меж собой местные охотники, убить зверя.

У него даже ружьё своё было. Старенькое, правда. Но, как говорили знатоки, хлёсткое. Правда, кроме банок, ни во что другое он так и не стрелял за свою жизнь.

Работал он в школе учителем географии. Был у него свой кабинет, завешанный всякими картами, и своё собственное прозвище – Паганель.

Дети, конечно же, стеснялись при нём. А на мужиков он не обижался. Слишком уж неудобно звучали его имена – Григорий Григорьевич. Язык сломаешь. Куда проще, Гриня. Он и сам видел в себе сходство с героем детского романа Жюль Верна. Длинные худые ноги, очки, будь они неладны.

Гриня давно мечтал уйти из школы, считая, что достоин большего. Однако на фоне безработицы и нищеты его работа хоть что-то давала. Да и жаль было пять впустую потраченных лет учёбы в институте. Зарплату платили редко, и Гриня не отказывался от любой возможности, чтобы хоть как-то заработать на жизнь.

В доме уже давно не пахло мясом; скотину Гриня принципиально не держал. Учитель всё же. Поэтому, когда друг предложил махнуть в тайгу на охоту, его словно захлестнуло.

– Поедем, поохотимся, самогоночки попьём, а там, глядишь, и бог даст чего-нибудь, – поэтично рисовал в воздухе картины предстоящего действия его друг Пашка, большой бездельник и проныра, в прошлом тоже учитель. – Медведя в лесу море!

Последняя фраза особенно запала в его сознание. Медведь для Грини был существом непостижимым и коварным. Он никак не мог представить себе встречу с этим зверем, и его начинало трясти, когда он думал об этом.

Усевшись удобно в старом кресле напротив окна, он подолгу листал книгу, где было множество самых разных иллюстраций с подробным описанием жизни животных. Было там и про медведя. С книгой в руках Гриня погружался в сладкие представления и фантазии, где было много опасностей и удовольствий. Правда, ему всё время мешала Алёнка, его младшая дочка. Бесцеремонно усевшись на коленях, она всякий раз задавала множество глупых вопросов и без спроса переворачивала страницы, требуя новых картинок.

– А тиглы злые? А кто больсе, – щebetала она не переставая, – тиглы или медведи? А где ёзыки зывают?

Гриня терпеливо отвечал на Алёнкину трескотню, важно надувал щёки и выпускал пар.

...– А ты мне ёзыка пливезёф?

– Не ёзыка, а ёжика. Ежа. Скажи правильно. Ёжика, – учил Гриня маленькую Алёнку.

– Ты мне еза пливезёф? Вот такого! – Она сжимала маленькие ладошки в такой же маленький клубок и щурила глаза. – Пливезёф?

– Привезу, привезу. Если они в спячку не залегли. Иди к матери и помоги ей по хозяйству. Ты же у неё помощница.

– А ты пливези.

Кудри соломенного цвета мягко касались Грининых рук. Он любил дочку, а Алёнка и дня не могла прожить без Грини.

Несколько раз охоту откладывали. Что-то не срасталось: то не было хозяина на пасеке, то машина ломалась, а то и вовсе – не было бензина.

Дробовик, вылизанный до блеска, был готов к большой охоте, а обстоятельства всё не давали его испробовать. Очередной раз испытал досаду, Гриня сел на маленькую табуреточку и раскладывал дробовик, приводя в восторг семилетнего Жорку. Жена на его блажь почти не реагировала, лишь посмеиваясь:

– Вам не охота нужна, а компания. Да водки нажраться!

– Ничего ты, Людка, не понимаешь. Что я, за полсотни вёрст водку пить поеду? – оправдывался Гриня.

– Вот именно. У вас же одно на уме. От жены сорваться да от детей. Думаешь, не знаю?!

Ворчание было безобидным и сводилось к тому, что Гриня – добытчик и к ноябрю в доме непременно будет мясо.

День выдался нелёгкий. В школе опять не дали зарплаты, и настроение у Грини было «ни к чёрту». Замотанный делами, он и думать забыл об охоте и медведях, сидел в своём потёртом кресле и перелистывал классный журнал, который взял на выходные. Не хотел он брать классное руководство, однако лишняя сотня карман не давила и на дороге не валялась. Хлопот, естественно, прибавилось, но за семь лет работы в школе Гриня привык, полагая, что проблемы решаются сами собой. Неожиданно в проёме выросла Пашкина фигура, а за ней незнакомый Грине мужик.

– Чего расселся? – прогорланил он с порога. – Собирайся. Мы же утром договорились. Или ты не едешь?

Наглый Пашка, как всегда, застал врасплох Гриню. Он совсем забыл. Да и со школой завертелся совсем. Видя, как блестят Пашкины глаза, он тут же нырнул в подпол за дробовиком, на ходу прихватывая банки со всякой снедью.

– Может, картошки набрать, – лепетал он, высунув из дырки счастливую физиономию.

– Кончай там возиться! Бери свой дробосрал и поехали. Машина ждёт. Мы на улице, – бросил Пашка через плечо и хлопнул дверью.

Гриня пулей вылетел из подпола. Собравшись по-солдатски, за сорок секунд, он побросал всё в рюкзак и, прихватив дробовик, выскочил из дома, даже не попрощавшись с женой.

Увидев машину, Гриня растерялся. Из всех окон старого «Уазика» на него смотрели знакомые рожи и дружно курили. Все его представления об охоте в один миг потеряли цвет, превратившись в серый заурядный поход за грибами в местный сквер с вытекающими последствиями.

– Ты деньги захватил? – спросил его Пашка. Этот вопрос вернул Гриню на грешную землю.

– Деньги? Какие деньги? В школе с начала года зарплату не давали. А зачем? Хлеба я взял.

– Какой хлеб?! – заорал неожиданно Пашка. – У нас бензина до заправки не хватит доехать!

Гриня поймал на себе дюжину взволнованных глаз и понял, что все его планы опять летят ко всем чертям. Он пошарил в карманах, осознавая свою вину перед «народом». Но кроме замусоленной тысячи, на которую и булки хлеба не купить, ничего не нашёл.

– Дай сюда! – Пашка бесцеремонно выхватил купюру и полез в кабину. – Ну, чего отсвечиваешь своей пукалкой! Поехали!

На поиски денег ушло больше часа. За это время нервы Гринины совсем сдали. В машине было ужасно тесно, и все курили, а Гриня не терпел табачного дыма. У него разболелась голова, и он с трудом удержал себя, чтобы не вылезти из машины и не послать всех куда подальше. Наконец-то бак залили почти доверху, отчего даже у Грини поднялось настроение. Это дело тут же, в машине, отметили, и «Уазик» с шумом и треском, выбрасывая из-под колёс сноп пыли и камней, выскочил на трассу.

За окном уже смеркалось. В голове у Грини всё перемешалось. Тело потрясывало от выпитой поллитры на пятерых. Но даже полстопки сделали своё дело, а потом и дорога укачала его. В голове вновь замелькали цветные картинки предстоящей охоты, и Гриня закрыл глаза.

Очнулся он от сильного удара о стекло. Его едва не расплющило. Двигатель ревел, как зверь, вгрызаясь колёсами в разбухшую от осенних дождей почву. Как таковой дороги не было. Была ложбина, до безобразия разбитая колеями от разных машин. В любую секунду «Уазик» мог сесть на брюхо и стать добычей, увязнув обоими мостами в жирном месиве. Но водила, по-свойски пуская сквозь зубы дым и мастерски вращая рулём, всякий раз вытаскивал своего конька из глубоких ям, словно родился за баранкой среди этой грязи. Он отлично знал своё дело и отвечал на каждую пройденную яму хорошим матом, умудряясь при этом вести беседу с друзьями.

По обе стороны дороги уходили в тёмное небо сопки, лес, покрывавший их густым ковром, выглядел таинственным, вызывая неподдельный страх. Гриня с трудом отделял вершины сопок от ночного неба. Картина начала действовать на его воображение. Выхваченный фарами лесной пейзаж, никого не интересующий, казался Грине диким и опасным. Деревья и кусты отбрасывали причудливые тени, а за каждым кустом и в каждом тёмном пятне Гриня видел притаившегося дикого зверя.

За время пути темы для разговоров переходили от охоты к машинам, затем к деревенским новостям с пикантными сплетнями о разведённых бабах, потом опять об охоте, и так по кругу. Грине уже казалось, что проехали не меньше сотни километров. Он смутно представлял, где находится, и больше всего боялся, что машина вдруг сломается и он останется один. Успокаивало то, что вокруг все беззаботно болтали, смеялись и не обращали на Гриню особого внимания.

Уже по-другому смотрел Гриня на своих товарищей. Вслушиваясь в их рассказы о героических поединках со стихией и дикими животными, он уже видел хороших парней, не знавших страха и трудностей. Глядя на водителя, Гриня и вовсе разомлел от его манеры играючи

вести машину и справляться с огромными канавами. Парень даже не притормозил, когда впереди появилась река. Душа ушла в пятки, когда Гриня увидел впереди эту черную пропасть, пересекавшую дорогу. Она показалась ему непреодолимой, и он уже, было, решил, что на этом его охота закончена, но водила мягко успокоил Гриню, заметив его дикие от страха и восторга глаза. Он грязно выругался, обласкав речку парой ласковых фраз. Двигатель взревел, и «Уазик» словно амфибия полез в воду.

Ничего подобного в своей жизни Гриня никогда не испытывал. Даже его первый самостоятельный урок в школе выглядел серым в сравнении с этим штурмом.

Ему показалось, что его песня спета. Но машина, словно зубами вцепившись в невидимое дно, упрямо поползла вперёд. Перевалив середину, когда вода уже едва не захлёстывала в салон, старый «козёл» зацепился передними колёсами за обрывистый берег, ещё раз взревел и выскочил из воды под всеобщее одобрение пассажиров.

Пасека состояла из небольшого бревенчатого домика с кирпичной трубой и двух сараев, едва различимых в темноте. В окнах дома мерцал тусклый свет керосиновой лампы. От этого Грине стало почему-то грустно, и, когда машина заглохла, он даже не захотел вылезать из нагретого салона. Вокруг шутили, выгружали вещи. Гриня подумал, что не стоит отрываться от коллектива, схватил свой дробовик и тоже полез из машины. После накуренного салона дышалось легко. Небольшой морозец приятно обжигал лицо, а когда Гриня взглянул наверх, то и вовсе обомлел. Весь купол был усеян яркими звёздами. Гриня взялся искать по привычке Полярную звезду, но потом махнул на это рукой и пристроился к забору вслед за своими товарищами. Потом все похватили вещи и пошли в летнюю кухню, где уже сидели, как у себя дома, два незнакомых Грине парня. На столе стояла большая кастрюля, из которой вкусно пахло. От этого аромата у Грини забурлило в животе, он вспомнил, что с самого утра ничего не ел, схватил со стола чью-то ложку и, не стесняясь, полез в общий чан, где уже звенели другие ложки. Все смеялись, шутили, вспоминая прожитый день. Грине тоже досталось. Оказалось, что в самый критический момент он уже хотел выскакать из машины и переплывать вброд через Манжурку. На столе вдруг появился большой алюминиевый ковш с подозрительно мутной жидкостью, похожей на бражку. Гриня сперва замотал головой, но, глядя, как кричат от удовольствия товарищи, тоже приложился к ковшу, ощутив на зубах мякенькие комочки пчелиного воска.

– Пей, Пагане..., ой, я хотел сказать...

Но все уже дружно ржали над оплошностью хозяина, коренастого мужика, которого все звали почему-то Петухом.

– Гриня, ты не обижайся. Моя дочка, – хозяин стал загибать пальцы, что-то считать. Его голова уже плавно покачивалась в облаке едкого дыма от дешёвых сигарет, – младшая моя так называет тебя.

Вообще-то Грине было приятно, что его все знают и даже выказывают ему уважение. Медовуха приятно растеклась по телу, он почувствовал прилив в голову, и ему захорошело. Пошли весёлые полуанекдотичные истории. Гриня тоже не отставал. Он путал буквы, запинаясь в словах и размахивал ложкой, как дирижёр. Выяснялось, что дети всех присутствующих – золотые и добрые ребята. С пьяного языка он расхваливал их, как мог, а в конце своей длинной речи назвал маленькими сволочами. Потом заговорили об охоте. Выяснили, куда подевался весь кабан. Что ходит он по кругу и скоро вернётся к пасеке. Что в сопках полно медведя, а по ночам они бродят по дорогам, пугая случайных прохожих. И что на болоте каждое утро пасётся коза, но так далеко, что взять её можно только из карабина, и завтра, рано утром, кто-то пойдёт за ней. Гриня по школьной привычке поднял руку, забронировав себе место в команде. Когда жрать было уже нечего и ковш оказался пустым, все дружно вывалили из тесной кухни. Подходило время «гона», и каждый хотел услышать, как режут живые изюбри. Но

сопки молчали, и все пошли в дом, где Гриня долго не мог найти себе места. Несколько раз он поймал в темноте своим лбом потолочную балку, потом всё же нашел уголок для своего костлявого зада и тут же вырубился.

Проснулся он только под утро, чувствуя, что может не «успеть».

Небо по-прежнему было чистым. Звёзды мерцали в холодной бесконечной дали, возбуждая у Грини отвращение к его земной жизни. В голубом свете почти полной луны мир показался Грине сказкой, словно он был вылеплен рукой волшебника. Огромная поляна, залитая фосфорным светом, улы, отбрасывающие тени на землю, громады сопки, окруживших пасеку, серебристая долина реки с алмазной жилкой, похожей на змейку – всё это жило своей, непостижимой для человека жизнью и как-будто молча наблюдало за ним, случайно вторгшимся в чужое.

С трудом удерживаясь на ногах, он вдохнул полной грудью. Вдруг ему показалось, что он не один. Он прислушался. В двадцати метрах кто-то ходил и жевал.

Дрожь пробежала по Гринину телу. Он уже хотел смыться обратно в дом, как вспомнил, что вечером видел коней. Преодолев страх, делая усилия над каждым шагом, Гриня медленно пошёл по серебристой от инея траве в сторону звука.

Увидев человека, конь поднял огромную голову и фыркнул. Он искоса осмотрел фигуру человека, тряхнул гривой и снова принялся щипать траву. Недалеко стоял ещё один конь и почему-то не двигался.

Гриня очень любил коней. Он увидел, что бедолага запутался в верёвке, прилипнув мордой к изгороди колючей проволоки. Тёмный лес, стоящий вокруг, всё время пугал Гриню, пока он освобождал коня.

Распутав не меньше десятка узлов, он перевязал коня на новое место. Даже не поблагодарив Гриню за его доброе дело, конь отметил новое место кучей навоза и припал к свежей траве.

«Скот», – подумал Гриня и пошёл в сторону дома. Его опять поразила необычайность окружающего мира. Это действовало на Гриню.

Он остановился. Реальность была даже слишком объёмной. Может, лунный свет создавал такой эффект, может глубокие тени, понять этого Гриня не мог, ведь обычно в это время Гриня спал и видел только сны.

В полной тишине мимо него проносились летучие мыши. Где-то в дебрях тёмного леса ухал филин. Стало прохладно, но Грине не хотелось уходить. Он что-то почувствовал в своей душе и стал сравнивать: суету людей, тесноту пыльных деревенских улиц, вездесущих школьников в узких школьных коридорах. Всё это было миром, чуждым тому, что окружало его в этой наполненной тайнами тишине. Осознавая её волшебную силу, Гриня одновременно понимал, что уже давно не является частью этой тишины. Что среда, проглотившая его когда-то, успела сделать его слепым и бесчувственным эгоистом. Словно впервые переживая радость встречи с чем-то близким и дорогим для себя, Гриня поймал себя на мысли, что остаётся чужим в этом мире, да и ненужным. Являясь учителем географии, он, по сути, ничему важному, исходя из того, что увидел и почувствовал здесь, научить не мог. Он просто коптил небо и вешал лапшу, одновременно протирая зад. Незаметно подкрался холод. Картина неожиданно потеряла объём, ему захотелось в тепло, туда, где было мягко и удобно. Он последний раз вдохнул полной грудью и потрусил к дому.

Проснулся Гриня уже засветло. В маленькое окошко заглядывало голубое небо, в котором плавно колыхалась пожелтевшая листва. Он лежал прямо на полу, заваленный сверху огромной кучей старых одеял, телогреек и рюкзаков. Грине стало приятно, что о нём позаботились. Он с трудом выбрался из этой мусорной ямы и, напялив на себя что-то тёплое, вышел на свежий воздух. Ощувив всеми клетками прелесть утренней свежести, Гриня поёжился от

холода, смачно зевнул и поплёлся за дом, чтобы справить нужду. То, что он там увидел, сразу вернуло его к реальности.

Володька (вчерашний водитель) и его друг Пашка обдирали косулю. Руки у обоих были по локоть испачканы кровью. Володька делал надрезы острым, как бритва, ножом, а Пашка стягивал чулком светло-коричневую, похожую на замшу, шкуру. Пальцы его всё время соскальзывали, Пашка пыхтел, пыжился и ругался, как сапожник. У всех, кто был рядом, от удовольствия светились глаза. Народ предвкушал королевский завтрак. Все смотрели друг на друга счастливыми глазами и щурились от яркого утреннего солнца.

– Что ж ты, мать твою, спишь так долго. Всю охоту проспал, педагог хренов, – прошипел сквозь занятые бычком зубы Пашка. Весь его лоб тоже был вымазан кровью, а по взмыленной шее текли крупные капли пота.

– А кто её? – ещё не придя в себя от увиденного, спросил Гриня.

– Серёня. Изверг. Вон как дыришшу заделал. Аккуратнее не мог. Всю грудину разворотил. Мучайся теперь. Все руки поиспачкал, – полушутя, полусерьёзно ворчал Пашка. Серёня, невысокий и невзрачный мужичок неопределённого возраста, стоял в сторонке и млел от удовольствия, улыбаясь своим детским лицом.

В таз уже сыпались козы потроха, на Грининых глазах от козы осталась только маленькая головка с чёрными бусинками глаз, да тонкие изящные копытца. Немного поодаль ходили в ожидании обрезков собаки. Они показывали друг другу зубы и всё время зевали. Всё, что осталось от косули, побросали в кусты. Тут же образовалась кровавая бойня, в конце которой каждый получил то, на что имел право. Гриня был немало удивлён чёткой организацией в делёжке добычи. Одна из собак, больше всех похожая на лайку, уже таскала голову. Она подходила к собратьям и рычала на них, показывая белые длинные клыки. Проходя мимо Грини, собака недоверчиво покосилась, но, видя, что Гриня не опасен, нехотя вильнула ему хвостом и потащила голову в укромное место.

«Была коза и нет козы», – грустно подумал Гриня и побрел к речке, запинаясь в высокой, давно не кошенной траве своими нескладными ногами.

Вчерашняя Манжурка уже не казалась ему страшной и опасной. В прозрачном быстром потоке играла рыба. Речка весело шумела на перекатах, воздух над водой искрился и переливался всеми цветами радуги.

Выбрав бережок поположе, Гриня опустил на руки и сунул опухшую после ночи голову в быстрый поток. Двух секунд хватило, чтобы окончательно проснуться.

Немного побродив по берегу, Гриня вспомнил все впечатления прошедшей ночи и посмеялся над собственной наивностью. С бугорка, где стояла пасека, доносился смех, чьи-то возгласы: среди общего гвалта Гриня выделил весёлый Пашкин смех, улыбнулся и поплёлся обратно на пасеку.

Его долгое отсутствие никто не заметил. Вокруг царил суеда. Мужики бродили вокруг кухни, изнывая от безделья и голода. У калитки Гриня увидел своих ночных знакомых. Оба коня стояли уже осёдланные и мирно щипали траву. Один конь был невысоким, с крепкими толстыми ногами и густой стоячей гривой. Таких коней называли якутами. Они отличались хорошей выносливостью и неприхотливостью. Второй был гораздо выше, но у него почему-то не было одного глаза. Рядом суетились вчерашние парни. Они приторачивали к сёдлам свои вещи и негромко о чём-то разговаривали. Гриня вспомнил, что парни переезжали на другое место, на пасеку Кедровую, что стояла в десяти километрах выше по течению. У ребят были ружья, и одеты они были должным образом, во всё таёжное и неприметное. У одного за голенищем выглядывала рукоятка большого охотничьего ножа.

«Вот где настоящая охота», – позавидовал про себя Гриня, представив затерянный среди дикой, нетронутой тайги маленький, уютный домик. В его голове уже вырисовывались покрытые сумраком распадки, великаны-кедры, обрывистые склоны сопки, под которыми в непролаз-

ных дебрях бродят величественные изюбри, а по кристальным перекатам резвится королевский хариус. Воображением Гриня рисовал себе прозрачную воду реки, её каменистое, покрытое изумрудным мхом дно, и ему ужасно захотелось вырваться из этого балагана и окунуться с головой в тишину и покой. Вспомнился недавний спор с женой, и ему стало неловко от мысли, что она оказывалась права.

Его кто-то хлопнул по плечу. Гриня обернулся и увидел как всегда жизнерадостного Пашку.

– Чего грустим? Пошли печёнку жрать. – Пашка уловил настроение друга и вздохнул.

– Ребята отдыхают как надо. На Кедровой сейчас красота. Тишина. Я бы и сам с удовольствием махнул туда. Только охота там не очень. Кабан-то сейчас весь на полях сбился.

– А зачем тогда они едут туда? – удивился Гриня.

– Говорят же тебе – отдыхать! За лимонником. Я бы тоже поехал с ними. Коня нет. Жаль. На конях – милое дело. – Пашка сделал загадочное лицо и вздохнул. – Мороки, правда, с ними. Одноглазый-то убежал утром.

– Как убежал? – насторожился Гриня.

– Отвязался, – беззаботно ляпнул Пашка, зевая во весь рот.

Гриня втянул голову в плечи и отвернулся.

– Да, – ехидно заметил Пашка, что-то высматривая по сторонам и при этом по-хитрому щурясь. – Какая-то сволочь перевязывала ночью. Из уздечки вылез. Всё утро ловили. Ты, случайно, не знаешь, кто это мог быть?

Гриня замотал головой и стараясь не выдавать своего смущения спросил:

– А почему у него глаза нет? Кажется левого.

– Вот именно, левого, – заметил важно Пашка. – Характер у него видать, сволочной. Не любит, когда на него седло одевают. Кусался наверное. Ему левый глаз и выкололи, что бы не отвлекался от дела. Конь же. А ему то что, правым-то он видит не хуже чем левым.

– Не понял, а причём тут левый.

– А хрен его знает. – Пашка нагло посмотрел на Грину, при этом прищуривая почему-то именно правый глаз, и спросил. – Значит не ты ночью отвязал коня? Все почему-то так и подумали. Ладно. Пошли печёнку жрать.

Вспомнив про коосулю, Гриня скривил рот.

– Ты чего, в вегетарианство ударился? Или птичку жалко? Ты брось хандрить. Мы же в тайге. Это жизнь. А ля гер ком а ля гер. На войне как на войне.

– Да знаю я. Просто, красивая.

– Это точно. Благородная. Моя бы воля, руки бы поотрывал всем, кто козуль стреляет. – Пашка невзначай посмотрел на свои ладони и сунул их в карманы. – Ладно, пошли. А то эти звери всё смолотят. По полкружечки и на тропу. Ты куда приехал? – Он схватил Грину за рукав и поволок на кухню. – Кто мечтал медведя завалить? Утром следы свежие видели. Рядом с пасекой ходит. Не вру. Вот такие, – Пашка растопырил, как мог, пальцы и сделал важное лицо.

– Таких не бывает, – пробурчал Гриня.

– Э, брат..., не знаешь ты природы. А ещё учитель ботаники. Сопки видишь? Одни деревья. А там, может быть, носорог пасётся.

– Ну, ты загнул!

– Да иной секач не меньше носорога. Ты просто не видал. А я видел. Убитого, правда. Монстр! Говорю тебе! У него пятак был размером с кастрюлю.

– Слушай? А ты не знаешь? Ёжики когда в спячку залегают? – спросил стеснительно Гриня. – Здесь ёжики есть? Алёнке обещал ежа привести.

Пашка косо посмотрел на друга и задрал одну бровь.

– Ты с печки сегодня ночью не падал, случайно? Ты зачем сюда приехал? Очнись! Правильно тебя дети в школе дразнят. Пойдём. А то без нас точно всё слопают.

На кухне уже полным ходом шла трапеза. Облепив стол плотным кольцом, мужики ели стоя, весело отправляя мясо кусками прямо в рот, продавливали хлебом, когда рука уже тянулась за очередным куском сочного обжаренного мяса. Ковш не успевал наполняться; Гриня забыл, который раз прикладывался к нему. Забыв про утренние впечатления, он брал жирные куски руками, презирая вилки и ложки, пихал в рот и громко смеялся над очередной Пашкиной хохмой.

После завтрака пасека незаметно опустела. Гриня сидел на лавке, лениво разбросав свои длинные ноги по сторонам. В голове шумело от браги, живот, не готовый к таким перегрузкам был готов разойтись по швам. По точку лениво расхаживал хозяин пасеки, одетый в защитную сетку. Заглядывая в улья, он пускал из дымара белый дым и что-то про себя бубнил. За ним неотступно ходил кобель и всё так же таскал за собой козью голову.

Гриня мог просидеть так весь день. Но откуда-то с верховьев, где на горизонте искрились в голубой дымке сопки, подул свежий ветер. Он вдохнул глоток прохладного воздуха и подумал, что это, наверно, спускается осень, осыпая природу чистым золотом. Он взял свой старенький дробовик, проверил работу курков, сунул в стволы по заряду дроби и пошёл вслед за ушедшими часом раньше конными, на ходу натягивая на плечи старенький армейский вещмешок.

Едва только пасека скрылась за деревьями, Гриня почувствовал, как всё вдруг изменилось. Он понял, что остался с тайгой один на один. Вдруг над головой он увидел белку. Она прыгала с ветки на ветку и всё время недовольно щебетала. На короткий миг она замерла и стала наблюдать за ним, свесив с ветки чёрный пушистый хвост. «Заботы, – подумал про себя Гриня, – зима на носу. А тут ещё всякий сброд по тайге шляется».

По левую руку вверх уходил высокий ряз. Редкий молодой дубняк давал возможность видеть далеко в подъём, отчего возникало предвкушение того, что где-то в глубине рязя сейчас появится зверь. Справа, под крутыми обрывами, заманчиво шумела Манжурка. Всё вокруг и пугало, и притягивало Гриню. Оставшись один, он почувствовал, как содрогается его тело при каждом шорохе; ему стало страшно. Но уходящая за поворот дорога уже звала его вперёд, он поправил удобнее дробовик, выдохнул всё, что было у него внутри и что мешало ему, и, тихонько насвистывая, пошагал по дороге.

Золотистые сопки волновали и манили своей тайной, скрытой от взора густыми деревьями. Наслаждаясь красотой, Гриня подумал, что красивее мест он ещё нигде не видел. Он вдруг поймал себя на мысли, что бесконечно счастлив тем, что оказался здесь, что дорога ведёт его туда, куда надо, и не даст сбиться с пути, и что ему меньше всего хочет встретиться со зверем. Хотелось просто идти по этой лесной дороге в своих кирзовых сапогах и дышать чистотой и свежестью, которую может дать эта тайга.

Он даже не заметил, как свернул с основной дороги влево. Широкая солнечная долина реки осталась за спиной. Густые деревья обступили Гриню со всех сторон, словно наблюдали за непрошенным гостем.

Гриня остановился и огляделся по сторонам. Две едва заметные среди травы колеи плавно поднимались в сопки. Новая дорога выглядела очень заманчиво, теряясь среди высоких деревьев. Гриня вдруг осознал, что боится идти дальше по этой дороге. Страх сковал его тело так, что он боялся обернуться. Ему казалось, что лес к нему был не равнодушен. Он крепко сжал металл своего ружья и медленно, тихими крадущимися шагами пошёл туда, куда вела эта затерянная, давно забытая дорога. Приглядевшись, он заметил на грунте след от колес автомобиля. Следы были старыми, и Гриня не стал ломать голову над тем, кто и зачем мог проехать по его дороге. Озираясь по сторонам и всматриваясь в каждый куст, он шёл всё дальше, стараясь не вызывать шума своими шагами. Подъём становился всё круче. От непривычной ходьбы Гриня взмок. Ему стало жарко. В боку закололо. Он покрылся крупными каплями пота и уже

захотел вернуться, как вдруг прямо из-под ног вылетел целый выводок рябчиков. От неожиданности Гриня вскрикнул, едва не лишившись рассудка. Наконец, до него дошло, что удача улыбнулась ему. Сообразив, куда полетела птица, он скинул дробовик и сломя голову рванул за рябчиками, забыв про все страхи и усталость.

Птица сидела невысоко над землёй и выглядывала из-за ствола берёзы. Гриня спрятался за куст и прицелился в ярко-красный гребешок. Едва он притронулся к куркам, как раздался оглушительный треск, а потом мощный раскат эха прокатился по склонам сопки. Переведя дух, Гриня подошёл к тому месту, где сидела птица. Убитый рябчик лежал у его ног и был почти незаметен среди пожелтевшей листвы, выделяясь только своим красным гребешком. Покрутив добычу в руке, Гриня удивился. Рябчик был таким невесомым и маленьким, что умещался на ладони почти весь. Скинув с плеч рюкзак, он равнодушно бросил птицу на дно. На ум пришла глупая поговорка соседа, что курочка клюёт по зёрнышку, в которой была заложена какая-то народная мудрость. Он накинул дробовик на плечо и решил, что больше не будет стрелять по рябчикам. Только патроны переводить. Но стоило ему пройти сотню шагов, как из кустов снова взлетел рябчик. Гриня машинально вскинул ружьё и нажал на курок, почти не целясь. Глупую птицу спасло только то, что он забыл зарядить новый патрон. Азарт захватил его. Через минуту он снова шёл вверх, вперёд, словно кто-то тянул его за руку туда, где шумел ветер и таилась неизвестность.

Он всегда мечтал увидеть мир с высоты. Его уже не пугали непонятные шорохи в кустах. Наблюдая за происходящим, он лишь восхищался. Бархаты, липы, берёза, манчжурский орех – всё сплеталось в единую гармонию. Лес величаво проходил перед его глазами. Словно специально, к его ногам свисали ярко-красные гроздья калины. Выхваченные из сумрака лучами солнца, ягоды мерцали, словно огонь, в тёмно-изумрудном лесу. Многие деревья калины почему-то были поломаны. Это выглядело нелепо. На секунду Гриня задумался. Кому понадобилось ломать их здесь, в этой глуши. Сорвав горсть, он сунул в рот несколько ягод. Челюсти тут же сковало кислотой. Он выплюнул косточки и обратил внимание на чёткие вмятины на влажной земле, очень похожие на человеческие следы, но гораздо большие. Осенившая его мысль мурашками прошла по всему телу, разбудив в нём животный страх.

Это был медведь, огромный и, наверное, страшный. Скорее всего, он прошёл перед Гриней каким-нибудь часом раньше, ломая, как спички, калиновые ветки, лакомясь сочной ягодой. Зверь бродил где-то рядом. Гриня понял, что забрёл в чужие владения.

Он догадался, что находится на вершине ряжа. Дорога пролегла по самому хребту гигантской ящерицы, распластавшей свои лапы далеко по сторонам. Ненадолго остановившись, Гриня ощутил одиночество среди этого дикого, нетронутого цивилизацией мира. Где-то внизу мирно дремала под лучами осеннего солнца пачка со своими обитателями, но всё это было уже в другом измерении. Здесь он был один на один с лесом, живым и непонятным, от чего в теле, особенно в руках, возникал непривычный холодок. Сквозь густую растительность едва угадывались бескрайние горизонты в голубой дымке, всё выглядело словно театральная декорация – настолько необычным было всё вокруг. Гриня неслышно снял с плеча дробовик и осторожно пошёл вперёд. Каждый шаг гулко отдавался в его ушах. Всё замерло. Даже воздух перестал двигаться. В этой тишине был слышен каждый шорох падающего листа, каждый вздох окружавшего его леса. Ему показалось, что он слышит, как пролетает над его головой в небе птица. Как в глубокой низине журчит под камнями невидимый ручей. Словно вор, выбирая чистую от листвы землю, чтобы не издавать шума, он украдкой пробирался вперёд, не осознавая, куда и для чего идёт. Его словно манил кто-то своей невидимой рукой, словно дорога была заколдована. Его и раньше не раз посещала эта мысль, и если бы не след от машины, выдавленный неизвестно когда на мягкой чёрной почве, то Гриня так и решил бы, что дорога эта, сплошь покрытая звериными следами, заколдована.

Незаметно всё изменилось, стало просторнее. Лес уже не был густым. По завалам и старым пням Гриня догадался, что когда-то, очень давно, здесь были дровяные деляны. Ему стало жаль великанов-дубов, останки которых всё ещё гнили на земле. Но жизнь этого требовала. Взамен старым подрастали новые деревья.

Неожиданно перед глазами вырос огромный дуб.

– А тебя почему не спилили? – как с живым, заговорил Гриня. Голос придал ему уверенности в этой гробовой тишине. Осмотрев ствол, он обнаружил на нём вбитые металлические прутки, ступенями поднимавшиеся к вершине. Он задрал голову и увидел под кроной подобие беседки. Почти на самой вершине была устроена лавочка. Оглядевшись по сторонам, Гриня приставил дробовик к дереву и полез наверх. Через мгновение он оказался наверху, откуда был прекрасный обзор большой поляны. В центре поляны хорошо различалась большая яма, наполненная водой. По обе стороны от дуба лежали сваленные ветром старые деревья, растопырившие корявые ветки в разные стороны. Гриня понял, что набрёл на самый настоящий солонец. Это был тот самый знаменитый лопатинский солонец, на котором, по словам Петуха, недавно убили изюбря. Гриня быстро слез с дерева и, прихватив ружьё, прошёл к яме. Из рассказов своих новых друзей он усвоил, что перво-наперво нужно посмотреть, ходят ли на солонец звери, и какие по давности следы они оставляют в мягком грунте. Чёрная земля была сплошь утоптана следами самых разных зверей. Ямки от больших раздвоенных копыт были повсюду. Рядом такие же по форме, но маленькие, словно зверь был игрушечным. Были следы и с подушечками, и с коготками на концах. Казалось, весь лесной народ собирался на этой «сцене». Были и медвежьи следы, размером с кастрюлю, от вида которых у Грини похолодело внутри. Рядом на стволе дерева он заметил несколько чёрных шерстинок. У него не осталось сомнений, что недавним гостем этой волшебной поляны был косолапый. Вокруг по-прежнему было тихо, и каждый Гринин шаг, как ему казалось, сотрясал землю. У него мелькнула мысль, что зверь может объявиться в любую минуту, а стволы его оружия были заряжены дробью. Трясущимися руками он с трудом вытащил старые дутые гильзы и заменил их, по совету бывалых охотников, на картечь.

Пулей взлетев на дерево и повозившись с минуту, Гриня затих в ожидании, как будто сейчас поднимется занавес и появятся актёры. Он замер, затаив дыхание, словно был частью дерева, на котором сидел. Как только сердце его успокоилось, он вдруг почувствовал необычайное наслаждение от тишины и одиночества. С благоговением он поглаживал цевьё дробовика, всматриваясь в зелёную сцену своего театра. Он чувствовал, как медленно разворачивается действие. От неподвижности его спина превратилась в камень, ноги затекли, но он продолжал сидеть без движений, стараясь услышать всё, что происходит вокруг.

Уже несколько минут он что-то слышал. Неуловимый звук шёл из глубины леса. Что-то медленно двигалось откуда-то снизу. Не было сомнений, что из сумрачной глубины распадка поднималось какое-то живое существо. И это «что-то» двигалось прямо в его сторону, на солонец. Сидя спиной к этому звуку, он затылком ощущал все движения и шорохи, издаваемые этим живым и реальным, как и он сам, существом. Временами шорохи стихали, и в эти промежутки Гриней овладевало такое беспокойство, что хотелось быстро слезть и унести ноги подальше от этого заколдованного места. Он ясно осознавал, что по лесу бродит сам лесной дух. От этой мысли ему стало по-настоящему страшно. Но от страха ноги его слушаться не хотели, словно стали чужими, и он продолжал сидеть и ждать.

Прошло ещё несколько минут. Всё это время Гриня не двигался. Наконец, он чётко слышал неспешные шаги за спиной. Зверь шёл медленно, мягко наступал на сухие листья, временами останавливался, и на слух уже можно было определить расстояние до него. Но для этого надо было повернуть голову.

У Грини взмокли ладони, в висках и горле стучала кровь. Стараясь не делать резких движений, словно в замедленном кино, он стал поворачивать шею. Он ещё не видел зверя, но

интуиция подсказывала ему, кто это мог быть. Правый глаз вышел из орбиты, и он увидел, будто в боковом стекле автомобиля, отражение огромного бурого медведя. В это мгновение левая нога непроизвольно выпрямилась, и дробовик стал медленно сползать с колен.

Гриня едва не сошёл с ума. Уже в самый последний момент пальцы вцепились в гладкий приклад, и сползание прекратилось. Шорох ткани был едва уловим, но Гриня спиной почувствовал, как медведь замер. Он медленно поворачивал огромную голову, втягивая при этом воздух. В его поведении не было никакой агрессии. Своим спокойствием медведь был больше похож на корову. Медленно и почти без шума он вынюхивал нужную ему траву и ел. Он по-прежнему находился за его спиной. Наконец, медведь появился с левой стороны. Огромный! Гриня медленно развернул голову. От близости к лесному великану он испытал неопиcуемый страх и одновременно восторг; он проник в запредельное, в мир, скрытый от людей их собственной трусостью и невежеством. Медведь стоял в каких-нибудь десяти метрах от дерева, на котором сидел Гриня, и не видел его. Их разделяла только высота, и он не мог уловить запаха человека и спокойно поедал сочную траву, ловко орудуя огромными когтями, обдирая со стеблей сочные листья.

Облик медведя слегка разочаровал Гриню. Вместо богатой, лоснящейся шкуры, на нём висели старые, линялые лохмотья светло-коричневой шерсти. Огромное толстое брюхо свисало почти до земли, а сам зверь был невероятно длинным. Маленькие, глубоко посаженные глаза смотрели на мир грустно и почти не двигались.

Наблюдая за медведем, Гриня чувствовал себя на вершине блаженства, чего не испытывал в далёком детстве, когда его водили в зоопарк. Чувствуя своё превосходство, ему вдруг захотелось крикнуть, напугать зверя, пока тот лакомился травой.

Указательный палец незаметно нащупал курки. Левая рука непроизвольно обхватила цевьё, а правый большой палец неслышно взвёл тугие пружины. Теперь зверь был в его власти. Медведь жил последние секунды своей звериной жизни, даже не подозревая, что смерть смотрит на него из чёрных стволов. Смертью был сам Гриня.

Неожиданно его пронзила мысль: это самка. Он представил, как будет потрошить её; у неё, наверняка, были в животе медвежата. Мысли путались, ведь это был его звёздный час. Наконец, он решил. А ля гер, ком а ля гер – на войне как на войне.

Мысленно проведя линию между зверем и солонцом, он навёл стволы на зверя, не опасаясь быть замеченным, и стал ждать. Зверь был так близко, что Гриня уже мог заглянуть ему в глаза, он слышал его дыхание.

Неожиданно медведь насторожился. Он бесшумно выдохнул и стал медленно втягивать воздух. Грине стало интересно, что будет делать дальше этот великан. Его огромная голова медленно потянулась к основанию дерева, на котором сидел Гриня. Зверь мог выбрать и другой путь к солонцу, обойти десятой дорогой этот дуб. Но он шёл именно этим, где Гриня оставил один единственный запах от своего сапога на железном гвозде, вбитом в ствол.

Медведь долго втягивал в себя воздух, преображаясь на глазах. Наблюдая за ним, Гриня и не думал стрелять. На мгновение животное замерло. Наверное, что-то возникло в его сознании. Шерсть на загривке всколыхнулась, и Гриня увидел настоящего зверя, грозного и свирепого хищника. Медведь с шипением выдохнул запах, исходивший от металла, изогнулся плавной дугой и шарахнулся прочь от опасного места, сотрясая огромным весом землю, так и не преодолев невидимой черты своей смерти. Его ещё можно было поймать на мушку, но руки по-прежнему, как каменные, лежали на коленях; Гриня не стал менять своего решения, полагая, что именно так и должен поступить. Уже потом его осенило, что в этом был и здравый смысл. Близился вечер, и вряд ли его ленивым друзьям понравилось бы ползти в крутой ряз за десять километров.

Шорох ещё доносился из густой чащи, и кое-где среди травы мелькала высокая спина медведя. Вскоре и она исчезла из поля зрения. По лесу ходил лишь тихий шорох, какой незнающий человек принял бы за возню двух ежей.

Просидев ещё с полчаса, Гриня, обессиленный, слез с дерева и, не останавливаясь, без оглядки пошёл обратно. Он не заметил, как наступил вечер и в лесу стало прохладно. Пробиваясь сквозь листву, косые солнечные лучи давно не грели, а само солнце уже касалось далёких сопок, затянутых красноватой пеленой, где-то очень далеко. Впереди лежала всё та же дорога. Чтобы скоротать время, Гриня перешёл на бег. Он не успел и глазом моргнуть, как выскочил на Манжурку. Спотыкаясь в темноте, стараясь не угодить в лужи, он с трудом доплёлся до пасеки.

Оказалось, что его давно ждали и уже хотели искать.

Наспех проглотив тарелку утренней похлёбки, Гриня на ходу сочинил историю про то, как заблудился и залез в бурелом. Для взрослого человека это выглядело нелепо, но мужики отнеслись к нему с пониманием, потом завели машину, и все потянулись занимать свои места.

Выплеснув остатки супа в собачью миску, Гриня разрядил дробовик и поплёлся за остальными, едва волоча ноги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.